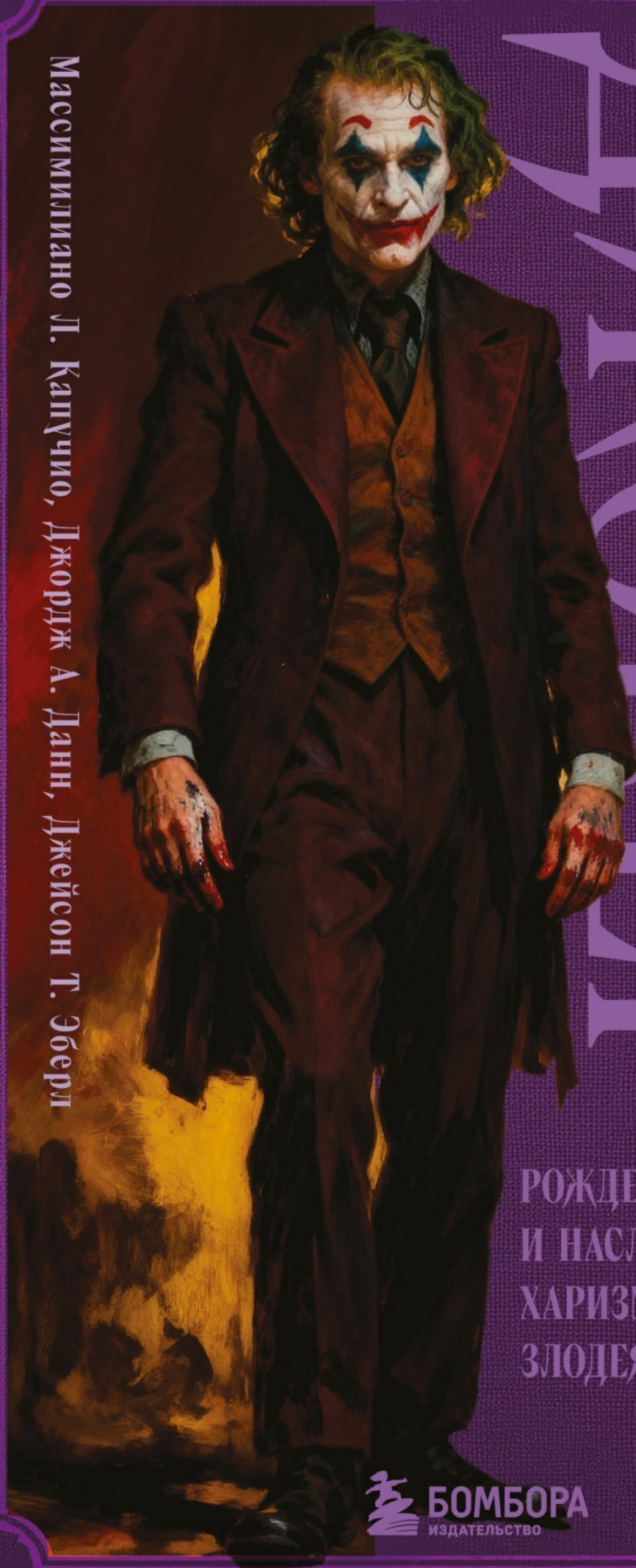

Массимилиано Л. Капучино, Джордж А. Данн, Джейсон Т. Эберл

ДЖОКЕР

РОЖДЕНИЕ, ЖИЗНЬ
И НАСЛЕДИЕ САМОГО
ХАРИЗМАТИЧНОГО
ЗЛОДЕЯ ГОТЭМ-СИТИ

БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

18+

Великие злодеи. Истории самых
легендарных антагонистов мировой культуры

Массимилиано Л. Капучио

**Джокер. Рождение, жизнь и
наследие самого харизматичного
злодея Готэм-Сити**

«ЭКСМО»

2025

УДК 791.221.5(73)

ББК 85.374(3)

Капучио М.

Джокер. Рождение, жизнь и наследие самого харизматичного злодея Готэм-Сити / М. Капучио — «Эксмо», 2025 — (Великие злодеи. Истории самых легендарных антагонистов мировой культуры)

ISBN 978-5-04-239082-1

Эта книга — первая в новой серии «Великие злодеи. Истории самых легендарных антагонистов мировой культуры», посвященной культовым злодеям современности, и первый ее герой — Джокер, Клоун-принц преступного мира. Сколько философов потребуется, чтобы разгадать загадку популярности Джокера? Практически два десятка — именно столько авторов у этой книги. Мрачный, хаотичный, пугающий, дикий. А еще харизматичный, завораживающий, свободный и дерзкий: все эти качества описывают его — самого непредсказуемого злодея Готэм-Сити, неуловимого и иррационального Джокера. Король шуток и повелитель абсурда, он творит зло не из личной выгоды или глубоких личных убеждений. Путешествуя по мрачным улицам Готэм-Сити и еще более мрачным закоулкам человеческого разума, авторы, в рядах которых ведущие философы, преподаватели университетов США и Европы и большие поклонники комиксов Marvel (и, разумеется, фильмов Кристофера Нолана и Тодда Филлипса), подробнее расскажут о культовом антагонисте: • Что общего у харизматичного негодяя, мучающего Готэм-Сити, и древнегреческого бога Диониса? • Почему Джокер в комиксах отличается от Джокера в фильмах и что это говорит о нашем обществе? • Может ли смех быть формой протеста против абсурдности этого мира? • Какие причины толкают Бэтмена на бесконечное сопротивление силам зла? • Почему образ Джокера пришелся бы по нраву даосским философам, а Конфуций был бы в ужасе? Джокер — не просто безумец или псих, он — шут, хранитель собственных тайн и уникальной философии, разгадать суть которой под силу лишь Бэтмену, двум десяткам философов и каждому читателю книги

«Джокер. Рождение, жизнь и наследие самого харизматичного злодея Готэм-Сити». В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 791.221.5(73)

ББК 85.374(3)

ISBN 978-5-04-239082-1

© Капучио М., 2025

© Эксмо, 2025

Содержание

Заметки об авторах	7
Вступление. «Встретились однажды в сумасшедшем доме двое...»	13
Часть I. «Дело во мне, или весь мир сходит с ума?»: жизнь с абсурдом	14
Глава 1	14
Глава 2	23
Глава 3	30
Глава 4	39
Часть II. «Я – носитель хаоса»: хороший, плохой, безумный	44
Глава 5	44
Глава 6	52
Конец ознакомительного фрагмента.	61

**Массимилиано Капучио,
Джордж Данн, Джейсон Эберл
Джокер. Рождение, жизнь и наследие
самого харизматичного злодея Готэм-Сити**

Massimiliano L. Cappuccio

George A. Dunn

Jason T. Eberl

Joker and Philosophy: Why So Serious?

© 2025 by John Wiley & Sons, Inc

© Л. Кульгин, перевод на русский язык, 2025

© У. Ермосова, перевод на русский язык, 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Заметки об авторах

Уолтер Барта – студент и исследователь Хьюстонского университета. Чтобы расплатиться с жестокими шутками, то есть его студенческими займами, он также начал преподавать первокурсникам в младшем колледже округа Уортон, что, как уверяют его наставники, по сути, то же самое, что быть (плохим) стендап-комиком.

Как и многие, Эмили Вега любит посмеяться. Структура шуток, их формулировка и передача между культурами интересовали ее с детства. В настоящее время она занимается фольклористикой и посвящает свое время изучению и написанию статей о том, как люди разных культур обмениваются информацией: историями и сказками, легендами и мифами и, конечно же, анекдотами. Она получила степень бакалавра английского языка в Государственном университете Сэма Хьюстона в 2014 году, степень магистра английского языка в области литературы, лингвистики и фольклора в Хьюстонском университете в 2017 году и докторскую степень по фольклору в Университете Луизианы в Лафайете в 2023 году. Ее любимая шутка принадлежит ее покойному и глубоко религиозному дедушке (причем истинному южанину); она не станет позорить его память или свою репутацию, повторяя ее здесь.

Джордж А. Данн – член сообщества преподавателей университета Индианы в Индианаполисе и специальный научный сотрудник Института марксистского изучения религии в новую эпоху при Ханчжоуском городском университете в Ханчжоу, Китай. Он опубликовал много работ по философии и популярной культуре. Его последние книги – *A New Politics for Philosophy: Perspectives on Plato, Nietzsche, and Strauss* (под общей редакцией с Манго Телли) и *René Girard and the Western Philosophical Tradition* (под общей редакцией с Андреасом Вильмсом). Если не хотите нарваться, лучше не спрашивайте, откуда у него эти шрамы.

Утку Джансу – кандидат политических наук в Принстонском университете. Его диссертация посвящена политической мысли Ницше и исследует важную и деликатную роль риторики и образования, особенно через сопоставление идей мыслителя с мыслителями древности. Среди других его научных интересов – современный популизм, учение Макиавелли о военном деле и политических проблемах, связанных с децентрализованными формами цифровой собственности. Как и Джокер, Утку поклонник Чарли Чаплина и немного кино.

Клинт Джонс преподает философию в Университете Кэпитал в Колумбусе, штат Огайо. Его научные работы посвящены проблемам окружающей среды, утопизму, поп-культуре, марксистской философии и вопросам критической теории. Он написал несколько книг по поп-культуре и философии, но эта книга – пока что его любимая. Его последняя работа *Contemporary Cowboys* (2023) представляет собой сборник статей, в которых рассматривается меняющаяся роль ковбоя в современной культурной мифологии. В свободное от работы время он с удовольствием участвует в махинациях и розыгрышах, направленных на решение системных социальных проблем, и при этом (будем надеяться) избегает отправки в Аркхем.

Славой Жижек – политический философ и культурный критик словенского происхождения. Он работает в Институте социологии и философии Люблянского университета (Словения), а также в гуманитарном институте Биркбека и Европейской высшей школе, регулярно публикуется в таких газетах, как *The Guardian*, *Die Zeit* и *New York Times*. Критические работы Жижека находятся на стыке немецкого идеализма, психоанализа Лакана и марксизма. Своей ранней прорывной работой «Возвышенный объект идеологии» (1989) он донес идеи Люблянской школы до англоязычной аудитории, создав себе международную репутацию. С тех пор он опубликовал более 50 книг и бесчисленное множество статей, посвященных многим фигурам в истории философии, психоанализа и политической теории. Его широко читают в кино и медиакритике, а его стиль известен тем, что сочетает в себе провокационный юмор, отсылки к

поп-культуре и строгую научность. Как и Джокер, он бросает вызов предположениям, которые часто считаются философским общепринятым смыслом.

Андреа Занин имеет диплом с отличием по английской литературе, а также случайно полученное юридическое образование (не спрашивайте); она написала несколько глав к предыдущим изданиям по поп-культуре и философии. Как южноафриканка, живущая большую часть своей жизни в Лондоне, она была окружена шутниками, начиная с Джейкоба Зумы, заканчивая Тревором Ноем, а также Борисом Джонсоном и Гарри (принцем, а не Стайлзом). В результате Андреа прониклась симпатией к двуличным сумасшедшим. Как говорится, свой свояка видит издалека.

Массимилиано Л. Каппуччо – старший научный сотрудник инженерной школы и технологического факультета Университета Нового Южного Уэльса в Канберре. Он философ-когнитивист и специалист по технологической этике, исследующий работоспособность человека и автономные технологии с точки зрения 4Е-когнитивистики¹. В настоящее время его исследования сосредоточены на философии навыков и компетентности, философии и теории искусственного интеллекта, социальной робототехнике, взаимодействии человека и робота, а также на стратегических и этических аспектах автономных технологий. Ранее он работал над проблемами социального познания (зеркальные нейроны и эмпатия), «эффекта духоты»² и нерелективного действия, совместного внимания, жестикуляции и основ вычислительного подхода к человеческому сознанию. Когда он был студентом, у него были от природы здоровые, пышные, зеленые волосы, которые полностью выпали, когда он впервые посетил конференцию теоретиков формальной теории познания.

Альба Карри преподает философию в Университете Лидса, Великобритания. Она защитила докторскую диссертацию на факультете сравнительного литературоведения и языков Калифорнийского университета в Риверсайде, специализируясь на сравнительном изучении Древнего Китая и Древней Греции. Ранее она получила степень магистра китайской философии в Университете Фудань в Шанхае и степень бакалавра философии в Университете Глазго. В настоящее время в ее работе исследуется позитивное значение гнева в древнекитайской и греческой этике, по отдельности и в сравнении, а также его значение для современной философии эмоций, феминизма и искусственного интеллекта. Ей нравится идея о том, что улыбки имеют темное происхождение.

Натан Келлен – приглашенный доцент философии в Канзасском Государственном университете. Как и в прошлом Джокера, его научные интересы разнообразны: от метафизики до логики, этики и политической философии. В дополнение к главе в этом томе он и Рой Т. Кук написали в соавторстве главу о метафизике идентичности персонажей для *Star Wars and Philosophy Strikes Back*, главу о метафизике канона для *The Ultimate Star Wars and Philosophy*, а также о возможных парадоксах, связанных с «Лассо истины Чудо-Женщины» для *Wonder Woman and Philosophy*. Как единственный автор, он также написал главы об определениях лжи в *Avatar: The Last Airbender and Philosophy*, а также о философии и метафизике гендера в *More Doctor Who and Philosophy*. В отличие от Джокера, он – одна из самых редких и трагических ошибок природы: обычный человек, по договоренности привязанный к рациональности.

Эрих Кристиансен преподает философию в Университете Сиэтла и Вашингтонском университете в Ботелле. Он специализируется на экзистенциализме и континентальной философии в целом, а в частности – на политической философии и этике. Он написал главы для книг

¹ Аббревиатура «4-Е» состоит из четырех элементов: Embodied – «воплощенное». Суть в том, что мозг тесно связан с большим физическим/биологическим телом. Embedded – «встроенное». Речь идет об ограничениях, которые накладывает на тело внешняя среда и законы природы. Extended – «расширенное». Утверждается, что разум дополняется и даже усиливается внешним миром (например, письмом, калькулятором и т. д.). Enactive – «энактивистское». Доказывается, что без динамических процессов, действий, которые требуют реакций, разум был бы неэффективен. – *Прим. пер.*

² Ситуация, когда человек под давлением («на духоте») проваливает хорошо знакомое действие. – *Прим. пер.*

серии Blackwell о философии и поп-культуре Black Sabbath and Philosophy и Saturday Night Live and Philosophy. Он писал о джазе для A Gathering of the Tribes, а также о джазе и комиксах для журнала Pulse: Berlin. Его стихи появлялись в журналах Bad Newz и Maitenant. Читать он учился по переизданию Batman № 1 1970-х годов.

Рой Т. Кук – стипендиат CLA и профессор философии в Университете Миннесоты, а также постоянный научный сотрудник и Член правления Миннесотского центра философии науки. Он опубликовал более 100 статей и глав из книг по логике, философии математики, феминистской философии и эстетике популярной культуры. Если честно, он больше похож на фаната Marvel, однако питает особую любовь к самым диким и причудливым уголкам «галереи негодяев» Бэтмена, включая Джокера.

Коди У. Купер – доцент кафедры политологии Калифорнийского университета в Чаттануге, в 2023–2024 гг. приглашенный научный сотрудник Института Сивитас при Техасском университете в Остине. Он автор двух книг и нескольких популярных и научных статей. В кругу своей семьи он также известен как Папамен (Dadman) и славится своей сверхточностью в метании бэтаранга. Это вселяет в сердца его девятилетних детей достаточно трепета, чтобы они не сворачивали с пути истинного.

Когда Элизабет Куско было шесть лет, ей приснилось, что Джокер в исполнении Джека Николсона живет в ее шкафу. По сей день она не спит с открытыми дверцами шкафа. Во время бодрствования она приглашенный профессор политологии в Университете Уильяма Писа и занимается исследованиями всего, от политического нарратива до Ширли Джексон, а также верит, что мы живем в поистине золотой век телевидения. Поскольку она слишком много смотрит телевизор, Элизабет благодарна за то, что нашла этому достойное применение, написав статьи для книжной серии Blackwell Philosophy and Pop Culture Series о таких фантастических персонажах, как Камина Драммер, Тед Лассо, а теперь и Харли Квинн.

Что вы получите, если скрестите Грегга Литтманна с уткой? Вы получите утку, которая работает внештатным старшим преподавателем философии в Университете Южного Иллинойса в Эдвардсвилле (SIUE) и публикует статьи по различным темам, включая эволюционную эпистемологию, философию логики, философию профессиональной философии и философию искусства ужасов. Утка также могла бы стать автором глав в многочисленных книгах, посвященных философии и популярной культуре, предназначенных для широкой аудитории, включая тома, посвященные «Теории большого взрыва», «Черному зеркалу», «Черной Пантере», «Доктору Кто», «Игре престолов», «Звездному пути» и «Звездным войнам». В SIUE много красивых прудов, которые, несомненно, пригодятся уткам.

В настоящее время, работая над своим главным произведением What Is It Like to Be a Batman? Джеймс Лоулер преподает историю философии от Платона до Сартра и Бодрийера в Государственном университете Нью-Йорка в Буффало. Вначале читателю, который выбирает путь восхождения и легкий юмор, стоит прочитать его книгу о поп-культуре и философии The God Tube: Uncovering the Hidden Spiritual Message in Pop Culture (2010). Для тех, кто знаком с более утонченными философскими уровнями, есть книга Matter and Spirit: The Battle of Metaphysics in Modern Western Philosophy before Kant (2006), за которой следует The Intelligible World: Metaphysical Revolution in the Genesis of Kant's Theory of Morality (2013). Его глава в этом томе продолжает рассуждения, начатые в эссе «Passionate Love, Platonic Love, and Force Love» для книги Star Wars and Philosophy Strikes Back (Wiley Blackwell, 2023).

Альберто Моран Роа – научный сотрудник и преподаватель государственного исследовательского университета в Мадриде (UCM, Испания). Его работа сосредоточена на эпистемологии, метафизике и том, как наши представления формируют то, как мы живем в мире. Эти интересы привели его к публикации множества статей, чья нить Ариадны соткана из кантианских и хайдеггеровских волокон. Его самая большая страсть – преподавание, и он занимается этим в Калифорнийском университете и в Национальном университете дистанционного

образования в Испании, где рассуждает о важности основополагающего пространства между противоположными концепциями и неизменной элегантности хорошо сидящего фиолетового костюма.

Дэмиен К. Пикариэлло – доцент кафедры политологии и директор факультета, учебных программ и курсов для программ двойного обучения в университете Южной Каролины в Салтоне. Он ведет курсы по американской политике, кино и политологии, а также политической теории. В свои статьи он рассматривает литературу, кино и политику, а также древнюю, современную и американскую политическую мысль. По его глубокому убеждению, «Темный рыцарь: Возрождение легенды» – лучшая часть трилогии.

Шон Респесс преподает на факультетах философии и политологии в Вирджинском политехническом институте и университете штата. Его исследования раскрывают взаимосвязи между теориями заботы и процветанием человека, уделяя особое внимание современным темам в области психического здоровья. В предыдущих публикациях раскрывал безвременье взаимозависимости в *Exploring the Orville* (под ред. Дэвида Кайла Джонсона и Майкла Р. Берри, 2021) критикуя наше будущее в статье «*Going Telemental* (2021), искал примирения для тех, кто испытывает негодование и страдания в науке в одноименной статье «*Suffering in Science*» (2020) и поощрял солидарность в статье «*Caring Affinity Networks*» (2023). Он оказывается в ежедневной (профессиональной и личной) конфронтации с безумием и наслаждается неприятностями, которые могут возникнуть в результате его наблюдений. Его междисциплинарный опыт позволяет ему время от времени пародировать и раздражать других неожиданными поворотами событий, подвергая сомнению так называемый «смысл» нормативных концепций, которые мы считаем само собой разумеющимися.

Марко Фаваро – руководитель программы Европейского университета прикладных наук в Берлине, где он преподает культурологию. Он получил степень доктора философии в области культурологии и гуманитарных наук в университете Отто-Фридриха в Бамберге в сотрудничестве с Веронским университетом. Работал лектором в Бамбергском университете, проводя семинар на тему «Антигерой». С сентября 2022 года сотрудничает с онлайн-издательством *Lo Spazio Bianco*. Марко разделяет с Джокером нездоровую страсть к Бэтмену, о чем свидетельствуют многие его публикации. Он автор книги «*Маска антигероя*» (*Maschera dell'Antieroe*, 2022), которая дает определение структуре современного жанра супергероев и его скрытым философским концепциям, и также был одним из редакторов книги *Batman's Villains and Villainesses* – междисциплинарной антологии о самых известных гостях лечебницы Аркхем (2023). Автор многочисленных статей, таких как «*Dylan Dog's Nightmares*» (в книге *Critical Approaches to Horror Comic Books*, 2022), «*The Horror vs. L'Indagatore dell'Incubo*» (*Horror and Philosophy*, 2023) и «*Antiheroes in the Rubble*» (*International Journal for the Fantastic in Contemporary Media*, 2022). Как и Джокер, он понимает, что все это шутка, чудовищный, безумный розыгрыш, и находит это... уморительным! В конце концов, любой другой ответ был бы безумием!

Ян Форсман – научный сотрудник, защитивший докторскую диссертацию, и внештатный старший преподаватель Университета Айовы. Его философские интересы связаны с философией раннего нового времени, особенно с женщинами-философами раннего нового времени, вопросами свободы воли и скептической историей. Но поскольку он большой умник, то пишет и на такие темы, как динозавры и персонажи комиксов. Ян Форсман опубликовал несколько коротких рассказов в жанре ужасов и с удовольствием танцует с дьяволом при бледном лунном свете.

Мэтт Хаммел изучал Джокера с детства и учился смеяться, как «Король шутов» из мультсериала 1990-х годов, пока в колледже не получил свою первую книгу по философии и поп-культуре, посвященную Темному рыцарю души! С тех пор он участвовал в написании аналогичных книг о «Подземельях и драконах», «Звездных войнах» и «Рике и Морти». Днем Мэтт

работает помощником юриста в офисе государственного защитника в Эвансвилле, штат Индиана, следя за тем, чтобы ни один самосуд не смог остановить хорошего клоуна. По вечерам он вызывает улыбку на лицах студентов, преподавая социологию и уголовное правосудие в качестве адъюнкта в Университете Эвансвилла.

Райан Харт – доцент кафедры философии в Университете долины Юты. Он получил степень доктора философии по сравнительному литературоведению и философии в Калифорнийском университете в Риверсайде и специализируется на ранней китайской и греческой философии. Его нынешняя работа сосредоточена на критике современного капиталистического мира после эпохи Просвещения, в которой он обращается к древним и незападным традициям. Он разделяет искреннее недоумение Джокера по поводу того, что в нашем обществе считается «нормальным».

Томас Д. Хартер – руководитель департамента биоэтики и гуманитарных наук в системе здравоохранения Гундерсена. Получив образование в области философии в Университете Теннесси, он сменил направление и увлекся клинической этикой. Подобно жителям Готэма, переодетым героями-линечевателями, которые борются с преступностью под покровом ночи, Хартер сохраняет двойную личность академика и в то же время сражается со злыми силами в качестве помощника героя в ордене темных рыцарей. Чтобы сохранить свою личность в тайне, Хартер пишет о проблемах на стыке медицинской этики, деловой этики, медицинского профессионализма и философии, а также ведет курсы и читает лекции по биоэтике совместно с другими специалистами в области здравоохранения. Он соредактор книги *Medical Professionalism: Theory, Education, and Practice* (2024). В свободное время Хартер размышляет о том, оплачивает ли Джокер все свое оружие наличными и выплачивает ли он медицинские, стоматологические и другие пособия своим шестеркам?

Согласно печально известной теории заговора, Финляндия – вымышленная страна, созданная Советским Союзом и Японией. Ярно Хиеталаhti как раз из этой воображаемой страны чудес, которая, как оказалось, является самой счастливой страной во Вселенной. В своей вымышленной академической жизни Хиеталаhti – прилежный ученик, издатель и уважаемый автор, который работает научным сотрудником в Университете Ювяскюля. Свою сознательную жизнь он посвятил защите права людей на распространение возмутительных шуток, а также прав на запрет оскорбительного юмора и различные другие противоречивые положения. В своем безумном воображении Хиеталаhti – джокероподобный супергерой-злодей, который делает мир лучше благодаря своей научной работе для всех и ни для кого. В довершение всего он считает себя ведущим философом юмора в своей вымышленной стране. Что ж, все, что делает вас более странным, делает ваше окружение еще веселее.

Люк Хоуи – научный сотрудник Школы образования Университета Дикина и Лаборатории устойчивого развития молодежи (YPSFL). Он автор пяти книг и множества статей, в том числе посвященных анализу различных жанров кино- и телевизионной поп-культуры. Мать смеялась над ним, когда он рассказывал ей, что собирается сделать карьеру на просмотре телешоу и фильмов. Что ж, теперь ей не до смеха!

Если бы Кaleb Макги Хусманн оказался злодеем из Готэм-Сити, он бы точно был Бэйном в исполнении Тома Харди, хотя его жена говорит, что он был бы пингвином в версии Дэнни Де Вито. За пределами Вселенной DC он живет в Роли, штат Северная Каролина, где является доцентом политологии в Университете Уильяма Писа. Помимо научной работы, он опубликовал три романа под псевдонимом К. Макги.

Корри Шорс преподает философию в Ближневосточном техническом университете в Анкаре, Турция. Работает в основном над Жилем Делёзом и феноменологией, иногда в связи с кино и живописью. Недавно он издал книгу *The Logic of Gilles Deleuze: Basic Principles*. Хотя Джокер и Бэтмен вызывают у него беспокойство, он все же считает Джокера гораздо менее безумным.

Джейсон Т. Эберл состоит в комитете Юбер Мэдер в Health Care Ethics, профессор этики здравоохранения и философии и директор центра этики здравоохранения Альберта Гнэги в Университете Сент-Луиса. Преподает в университете и публикует статьи по биоэтике, средневековой философии и метафизике. Джейсон Т. Эберл – редактор книги *Battlestar Galactica and Philosophy* (Wiley Blackwell, 2008), соредактор (совместно с Кевином С. Декером) книг *The Ultimate Star Trek and Philosophy* (Wiley Blackwell, 2016), *The Ultimate Star Wars and Philosophy* (Wiley Blackwell, 2015) и *Star Wars and Philosophy Strikes Back* (Wiley Blackwell, 2023), а также оригинальных работ *Star Trek and Philosophy* (Open Court, 2008) и *Star Wars and Philosophy* (Open Court, 2005). Он также редактировал (совместно с Джорджем А. Данном) книги *Sons of Anarchy and Philosophy* (Wiley Blackwell, 2013) и *The Philosophy of Christopher Nolan* (Lexington, 2017). У него шрам на лбу, который появился либо в результате падения с лестницы в детстве, либо из-за того, что в шестом классе за ним гналась девочка и он врезался в стену бетонного туннеля, или из-за того, что он ввязался в поножовщину на опасных улицах Сент-Луиса.

Вступление. «Встретились однажды в сумасшедшем доме двое...»

Супермен и Лекс Лютор, Кирк и Хан, Гарри Поттер и Волан-де-Морт – эпическое соперничество служит основой научной фантастики, фэнтези и комиксов. Никто из них не может сравниться с Бэтменом и Джокером, двумя врагами, которые, похоже, полны решимости не убивать друг друга, потому что каждый получает слишком много от того, что другой привносит в их разрушительную пару. Тем не менее Джокер – это нечто большее, чем просто контрастный персонаж для Бэтмена; у него есть свои собственные цели, которые существовали бы независимо от присутствия в фильме Крестonosца в плаще. В сущности, Джокер противостоит Готэму, городу, представляющему западную капиталистическую современность в ее самом ярком проявлении, городу, судьба которого в равной степени определяется махинациями криминального подполья и играми за власть миллиардеров, таких как Томас Уэйн. В этом мире рождается Джокер, а не кто-либо из его альтер эго, как Артур Флек или Джек Напьер – но сам Джокер. Джокер мог быть только продуктом среды, которая придавала богатству и власти такую ценность, о которой и не мечтали такие люди, как Макиавелли, Ницше или Бобби Аксельрод из сериала «Миллиарды». Джокер – важнейшее отражение мира, в котором тщетные стремления к закону и порядку проявляются как фантазии, которыми они и являются.

В Готэме Джокер противостоит нормативности – требованию общества соответствовать установленным поведенческим ожиданиям. В качестве жестокого ответного действия Джокер признается, что является «носителем хаоса». И если он прав в том, что нас всех всегда отделяет всего «один плохой день» от безумия, то мы ясно видим, что его неспособность соответствовать общественным ожиданиям является не столько активным решением морального деятеля, сколько немедленным результатом из-за социальных условностей и установленных норм, которым он вынужден подчиняться. Следовательно, главный враг Джокера – не Бэтмен, как можно было бы подумать, а лицемерие общественных условностей и норм. Одна из причин, по которой Джокер находит сходство с Бэтменом, заключается в том, что он настоящий – не как Брюс Уэйн, который является всего лишь его маской (как метко подметила Рэйчел Доуз в фильме «Бэтмен: Начало»), а как Бэтмен. В определенной степени Бэтмен перенял неумолимую позицию Джокера. Вместо того чтобы пытаться понять и реабилитировать тех, кто творит зло, Бэтмен стремится контролировать преступный элемент Готэма, пугая его первобытными образами – теми же образами, которые пугали его самого в детстве. Преступники Готэма должны быть такими, какими их видит Бэтмен в детстве. Джокер придерживается такого же инфантильного взгляда на жителей Готэма – преступников или кого-то еще – и поэтому проводит различные тесты – например, с участием паромов и взрывчатки – чтобы доказать утверждение о том, что доведенные до предела так называемые «цивилизованные люди» «сожрут друг друга».

Джокер – это не только социальный изгой, нуждающийся в помощи, сирота, жаждущий отцовского признания, или криминальный монстр, которого нужно изгнать: он также является философской загадкой, требующей решения. Каждый философски настроенный человек, похоже, имеет или, кажется, готов развить свой оригинальный взгляд на Джокера и его тайные мотивы. В главах этой книги команда философов «танцует с дьяволом при бледном лунном свете», принимая вызов Джокера, пытаясь показать, что люди могут быть хорошими и порядочными даже в неподходящее время, и что «плохого дня» не обязательно достаточно, чтобы превратить рационального человека в циничного маньяка.

Часть I. «Дело во мне, или весь мир сходит с ума?»: жизнь с абсурдом

Глава 1

Все это – просто кошмарная шутка: Джокер, Бэтмен и абсурд
Эрих Кристиансен

Что, если бы все это было просто одной большой шуткой? Что, если бы вы однажды каким-то образом узнали, что ничто ничего не значит? Как бы вы поступили? Попытались бы придать этому какой-то смысл, поступая сообразно своей вере и тому, что считаете правильным? Или удвоили бы бессмысленность и смирились с хаосом?

Этот вопрос – один из способов взглянуть на решения Бэтмена и Джокера и на их действия. Каждый персонаж по-своему реагирует на абсурдность, одну из главных идей, ассоци-

ирующихся с философской традицией экзистенциализма. Бэтмен и Джокер представляют два совершенно разных примера того, как люди могут жить – и экзистенциализм помогает понять, о чем речь. Эта философия утверждает, что мир не имеет внутреннего смысла. Нет никакой заранее заданной причины для существования здесь кого-либо или чего-либо.

Проблема обостряется тогда, когда мы сталкиваемся с болью и несправедливостью. Мы спрашиваем: «Зачем все это?» Мы хотим, чтобы справедливость была такой же частью Вселенной, как Солнце, Луна и звезды: то, что Мартин Лютер Кинг – младший называл «нравственной дугой Вселенной». Однако найти справедливость в таком состоянии трудно, а то и вовсе невозможно.

Что же тогда делать? Вы будете отрицать, что в жизни вообще может быть какой-либо смысл, и станете нигилистом, как Джокер? Или попытаетесь сделать жизнь осмысленной, как Бэтмен?

Абсурд, экзистенциализм и нигилизм

Наиболее известная форма экзистенциализма была выведена французским философом Жан-Полем Сартром (1905–1980). В книге «Экзистенциализм – это гуманизм» (1945) он утверждал, что экзистенциализм является логическим продолжением атеизма³. Если Бога не существует, то люди свободны. Если Бог создал мир, то он создал и меня. Следовательно, он должен был знать, каким я буду. Но если Бог не создавал меня, то я свободен. Если нет творца, то нет и predetermined представлений о том, каким я должен быть, что я должен делать и какова моя цель. Я могу идти по жизни своим путем, со своими целями и ценностями⁴.

А если Бога, который придал смысл моей жизни, нет, то ничто во Вселенной не имеет никакого внутреннего значения. Планеты и все, что находится на них и между ними, просто существует, их жизненный цикл никем не predetermined. Ценности не существуют сами по себе, они должны быть созданы людьми.

Эти две идеи – о том, что люди могут выбирать, кем им быть, и о том, что в жизни нет никакого внутреннего смысла, – пугают людей, которые заключают, что из-за этого жизнь обесценивается. Они считают, что экзистенциализм – это нигилизм, вера в ничто. А если вы ни во что не верите, то что мешает вам делать все, что хочется? Что мешает грабить, убивать и мучить? Что мешает вам быть Джокером?

Но Сартр подчеркивает, что речь идет лишь об отсутствии predetermined смыслов или ценностей, а не о том, что их не существует вовсе. Это значит лишь то, что мы сами должны создавать их. Мы должны привносить в мир ценность своими действиями, иначе смыслу взяться неоткуда. Мы придаем своим действиям значимость с помощью того, что Сартр называет «проект» – то, чему человек решает посвятить свою жизнь, что придает ей смысл и делает мир лучше⁵.

Осознаем мы это или нет, но все проекты универсальны. Сартр считает, что мы несем ответственность за формирование картины окружающего нас мира, что жизнь обладает той ценностью, которую мы ей придадим. Если не существует созданного Богом плана того, чем являются люди, то мы – это совокупность всех наших поступков. Действуя, я выбираю мир, в котором буду жить я и все остальные, так как мои поступки создают будущее. «Когда мы говорим, что человек сам выбирает, кем ему быть, мы понимаем под этим, что каждый из нас выбирает себя, но этим же мы хотим сказать, что, выбирая себя, он выбирает всех людей. И впрямь нет ни одного нашего поступка, который бы, создавая из нас того человека, которым

³ Сартр Ж. П. Экзистенциализм – это гуманизм. М., 2025.

⁴ Там же. С. 10.

⁵ Там же. С. 11.

мы хотим быть, не создавал бы одновременно образ человека, каким, по нашему мнению, он должен быть <...> И потому я ответственен и за себя, и за всех и создаю определенный образ человека, который выбираю сам; выбирая, каким быть мне, я выбираю, каким быть человеку вообще»⁶.

Философы-экзистенциалисты видят в этом свободу и проблему одновременно. Мерсо, главный герой романа французского писателя и философа из Алжира Альбера Камю (1913–1960) «Посторонний», говорит о «нежном безразличии мира» и о том, что это откровение сделало его счастливым⁷. Это звучит (и ощущается) как свобода. Но в «Мифе о Сизифе» Камю подчеркивает сложность жизни в мире, характерной чертой которого является то, что он называет «абсурдом», – состояние бытия без смысла. Писатель рассматривает абсурд как освобождение и травму одновременно.

Когда мы смотрим на мир, какая-то часть нашего сознания отчаянно хочет обнаружить в нем смысл⁸. Но, куда бы мы ни посмотрели, мы видим лишь иррациональность. «Я говорил, что мир абсурден <...> Абсурдно столкновение между иррациональностью и иступленным желанием ясности, зов которого отдается в самых глубинах человеческой души»⁹. Мы хотим смысла, но не находим его. Чаще всего мы сознаем, что не понимаем замысел, когда видим, что мир несправедлив.

Зачастую глубокое разочарование вызывает соприкосновение со смертью, особенно если она была результатом бессмысленного насилия. Осознание того, что мы неумолимо стремимся к смерти, может сделать все остальное бессмысленным. Но насколько усиливается это ощущение, если смерть несправедлива? Со смертностью человека трудно смириться в любом случае. Но еще хуже, когда смерть является результатом злого умысла, потому что так быть не должно.

Для Сартра смерть – это то, что мешает осуществлению вашего проекта. Таким образом, именно она делает жизнь абсурдной¹⁰. «Мы имеем все шансы умереть до того, как выполним свою задачу, или, напротив, переживем ее <...> это постоянное появление случайности внутри моих проектов», это «ничтожение всех моих возможностей»¹¹. У нас в жизни есть цель, к которой мы стремимся, и вдруг вмешивается несчастный случай, и мы исчезаем, и все было напрасно.

Чтобы выразить ощущение абсурдности бытия, люди зачастую говорят: «Все это просто кошмарная шутка». Брюс Уэйн, а в некоторых версиях и Джокер, был потрясен иллюзорностью стабильного осмысленного мира, когда столкнулся с насилием. Понимание пути, который каждый из них выбрал, поможет нам ответить на важный вопрос: как жить, осознавая абсурдность мироздания?

Смерть и несправедливость на улицах Готэма

И Бэтмен, и (согласно «Убийственной шутке» (The Killing Joke)) Джокер были порождениями боли абсурда, которая не дает персонажам покоя: Джокер пытается спровоцировать несправедливые смерти, а Бэтмен – предотвратить их. Их истории покажут нам, как оба персонажа столкнулись с абсурдом и какой жизненный путь избрали, чтобы справиться с травмой.

Когда Брюсу Уэйну было восемь, Джо Чилл ограбил и убил его родителей в Преступном переулке. Брюс поклялся отомстить за тот ужас, свидетелем которого он стал, и посвятил свою

⁶ Сартр Ж. П. Экзистенциализм – это гуманизм. М., 2025. С. 12–13.

⁷ Камю А. Незнакомец. Париж., 1966. С. 132–133.

⁸ Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде // Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М., 1990. С. 32.

⁹ Там же. С. 34.

¹⁰ Сартр Ж. П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М., 2000. С. 539.

¹¹ Там же. С. 542.

жизнь борьбе с преступностью, став Бэтменом. Согласно «Убийственной шутке», инженер химического завода уволился с работы, чтобы осуществить свою мечту и стать стендап-комиком. У него ничего не вышло. Чтобы поддержать беременную жену, он согласился провести через завод преступников, чтобы те могли ограбить компанию по производству игровых карт, расположенную по соседству. Он вернулся домой и узнал, что жена и нерожденный ребенок погибли в результате бытового несчастного случая. Подавленный произошедшим, он хотел отказаться от участия в ограблении, так как цель, ради которой он пошел на это, пропала. Однако воры заставили его довести дело до конца. Во время ограбления в дело вмешался Бэтмен. Спасаясь бегством, инженер прыгнул в заводскую систему сброса воды, которая вынесла его наружу. Химикаты обесцветили его лицо до мертвенно-белого, обожгли губы до ярко-красного и окрасили волосы в клоунский зеленый цвет. Изуродованный и лишенный семьи, инженер сошел с ума. Так он стал Джокером.

До того как произошли эти судьбоносные трагедии, оба персонажа имели семью и деньги: то, что, по мнению общества, придает жизни смысл. Уэйны были обеспеченной семьей, крепко стоящей на ногах. У комика только-только появилась семья, и он пытался заработать денег. Родителей Брюса убили из-за их кошельков и ожерелья – того, что, должно быть, казалось (особенно Брюсу) почти ничем. Инженеру-комiku пришлось пойти на рискованный и неправильный поступок после того, как у него больше не осталось на это причин.

Брюс происходил из богатой уважаемой семьи и, вероятно, думал, что во взрослой жизни все будет так же. У него не было причин сомневаться в своем будущем или в своем положении в обществе, не говоря уже о своем месте в этом мире. В одной из параллельных вселенных герой был в шаге от того, чтобы стать избалованным и испорченным мальчишкой¹². Но в тот момент, когда он увидел, как на его глазах убивают родителей, Брюс столкнулся с миром насилия и бессмысленности.

Потеря смысла: когда все рушится

Но как мы можем говорить, что все «бессмысленно»? Разве мы не рождаемся в мире смыслов? С самого раннего возраста нас учат всевозможным теориям, которые говорят нам о смысле жизни, и делают это еще до того, как мы их в полной мере понимаем. Но, когда приходит горе, кажется, будто из-под ног уходит само основание знакомого нам мира. Для того чтобы описать это ощущение, одно из «полных последствий» атеизма, Сартр использует термин «заброшенность»¹³: мир не был создан вами или для вас, но вы как-то должны жить в нем и принимать решения. Опять же, это означает, что не существует ни вечного набора ценностей, ни гарантии существования хорошего мира, потому что «...нет бесконечного и совершенного разума, который бы его мыслил; нигде не написано, что добро существует, что нужно быть честным, нельзя лгать, поскольку мы находимся на том уровне, где одни только люди». Человек «вне себя не находит возможности ухватиться за что-то», «а потому человек оставлен»¹⁴.

Оставленность – это именно то, что испытал Брюс: он почувствовал, что его оставили не только Бог и вера в вечные ценности или хороший мир, но и все, что он когда-либо знал. Когда тела родителей лежали у его ног, в этой реальности он был совсем один. К счастью для него, рядом для него оказалась Лесли Томпкинс¹⁵. Она была общественной активисткой (позже сценаристы стали изображать ее доктором), которая поддержала Брюса, когда полиция будто

¹² Alan Brennert and Dick Giordano, «To Kill a Legend», Detective Comics № 500 (март 1981 г.).

¹³ Этот термин впервые использовал Мартин Хайдеггер.

¹⁴ Сартр Ж. П. Экзистенциализм – это гуманизм. М., 2025. С. 17–18.

¹⁵ Впервые она появилась в комиксе Денни О'Нила и Дика Джордано «There Is No Hope in Crime Alley», Detective Comics № 457 (март 1976 г.).

бы не обращала на него никакого внимания, – и, вероятно, помешала травме еще сильнее разрушить Брюса. У человека, который стал Джокером, не было даже этого. Все, что у него было, – это принуждение преступников, заставившее его пойти против его совести, даже после того, как причина для участия в ограблении исчезла. Он тоже обнаружил себя заброшенным, одиноким в этом мире.

Но не обязательно переживать такие ужасы, чтобы ощутить себя покинутым. К этому может подтолкнуть любой жизненный кризис. Когда вы понимаете, что то, что вы считали естественным, то, что вы считали миром, основанным на вечных ценностях, – всего лишь система, которую когда-то придумали такие же люди, как вы, вас охватывает острое чувство незащищенности. Господствующие системы не жалуют это знание; им нравится, когда вы продолжаете думать, что установленный порядок естественен.

Это и есть одна из ролей Джокера: напоминать нам о хаосе и бессмысленности, которые скрываются под верхним слоем нашей повседневной жизни. В колоде карт Джокер – это козырь, вносящий в игру неопределенность. Он разрушает ваши прогнозы и планы. Джокер может прервать ваш день глупым ограблением в карнавальных костюмах, а может и убить по известной только ему причине.

Особенно ярким примером такого рода небезопасности повседневной жизни является Detective Comics («Детективные комиксы») № 60, «Case of the Costume-Clad Killers» («Дело об убийцах в маскарадных костюмах»)¹⁶. Джокер заключает сделку с владельцем магазина карнавальных костюмов и одевает своих людей в различную униформу. Так они могут завоевать доверие людей и получить доступ в места, которые хотят обокрасть. Они притворяются солдатами, чтобы ограбить оружейный склад, полицейскими, чтобы ограбить банк, и так далее. Они пользуются доверием, которое люди испытывают к институтам, поддерживающим порядок в их жизни. Люди, от которых ждут защиты, внезапно оказываются врагами.

Но разве это не отражает определенную истину? Движение за гражданские права и анти-военные настроения 1960-х годов поставили под сомнение американские ценности и институты – своего апогея кризис достиг во время Уотергейтского скандала. Конечно, это произошло на несколько десятилетий позже, чем в оригинальных историях о Бэтмене и Джокере: в год, когда страна вступила во Вторую мировую войну, большинство патриотично настроенных американцев и представить себе не могли подобные события. И все же теперь это кажется предзнаменованием: что, если те институты, которым вы доверяете, а также представляющие их люди в форме на самом деле те, от кого вам нужно защищаться? Что, если форма скрывает преступников?

Отклик на абсурд

Несколько вариантов реакции на абсурд показаны в романе Камю «Чума»¹⁷. Персонажи по-разному реагируют на смерть и абсурдность бытия, пытаясь придать жизни смысл, находясь под смертным приговором. Как мы увидим, эти способы применимы в отношении и Джокера, и Бэтмена, и других героев.

В романе Камю доктор Риэ – врач, который посвящает все свои силы лечению жертв чумы во время вспышки эпидемии в алжирском городе Оране. Правительство вводит в городе карантин – теперь никто не может уехать. Роман был опубликован через два года после окончания Второй мировой войны, и большинство современников автора восприняло его как аллерию войны и оккупации Франции, когда люди оказались в ловушке гнетущего бытия, а смерть

¹⁶ Декабрь 1942 г.

¹⁷ Камю А. Чума (сборник). М., 2014.

была возможна в любой момент¹⁸. Но эта метафора также значит, что все мы всегда находимся под угрозой смерти, осознаем мы это или нет, хотим мы с этим бороться или нет. Так как же мы поступим с этим всеобщим смертным приговором?

Риэ прямо говорит: «Согласен, положение дурацкое, но мы все попали в ловушку. И приходится с этим считаться»¹⁹. Несмотря на все усилия доктора, большинство пациентов все равно будет умирать, – по крайней мере, пока не изобретут лекарство. По сути, это отражает его работу: любое лечение дает лишь временное облегчение, потому что в конце концов все его пациенты так или иначе умрут. «Но любые ваши победы всегда были и будут только преходящими, вот в чем дело <...> Да... Нескончаемое поражение»²⁰. Тем не менее Риэ посвящает себя служению людям. Примечательно, что еще до чумы он не брал денег с бедных людей²¹.

Риэ – атеист и, видимо, не верит в изначальную ценность мира. И все-таки своими действиями он придает ему ценность, в противном случае его жизнь была бы лишена смысла. Преданность врача собственному идеалу напоминает религиозное чувство. Один из персонажей романа спрашивает, возможно ли стать святым без Бога. Своими поступками Риэ пытается ответить на этот вопрос.

Другой герой по имени Коттар, напротив, пытался покончить с собой, но был спасен. Его разыскивают за какое-то преступление. Он хочет, чтобы чума продолжалась, потому что это позволяет ему избегать властей, у которых появились дела поважнее, и потому что, в отличие от того времени, когда он был в отчаянии от собственной жизни, теперь его утешает тот факт, что все остальные находятся примерно в таком же положении, как и он. Он удовлетворен настолько, что отказывается от возможности уехать. Коттар даже извлекает из ситуации выгоду, зарабатывая деньги на черном рынке. Когда чума заканчивается, он снова впадает в депрессию и страдает от резких перепадов настроения, опасаясь ареста. В конце концов, он открывает огонь по случайным прохожим и успевает ранить нескольких, прежде чем его арестовывают.

Риэ и Бэтмен посвящают свои жизни прекращению человеческих страданий, даже если эта задача кажется бесполезной. Возможно, в конечном счете она таковой и является, а для самих героев их деятельность, скорее всего, окажется фатальной. Но они делают все, что в их силах. Они поставили на кон свои жизни, чтобы придать миру значимость, основываясь на сострадании. Джокер и Коттар выбрали нигилизм. Они не думают, что жизнь хоть что-либо значит. Они работают ради собственной выгоды и в конце концов становятся преступниками, которые наживаются на страданиях окружающих. Мысль о том, что другие страдают, даже успокаивает их, ведь это значит, что они не одиноки. Это извращенная «солидарность», тянущая человека вниз, а не возвышающая его.

В «Убийственной шутке» абсурдность ситуации, в которой оказался неудавшийся комик, заставляет Джокера поверить в абсурдность мира. Как и Бэтмен, он стремится сделать свой принцип универсальным – как описывает Сартр, своими действиями он создает образ человечности. Джокер хочет продемонстрировать, что абсурд, в том числе бессмысленность бытия безумца, – это потенциально универсальный опыт. Он утверждает: чтобы подтолкнуть кого-то к краю пропасти, к нигилизму, нужен всего лишь «один плохой день», какой был и у него. Желая доказать это, он выбирает «самого здорового человека на свете», – комиссара Гордона.

Нам известно, каким ужасным способом Джокер подрывает основы мироздания Гордона. Он появляется в доме Барбары Гордон – дочери комиссара, также являющейся Бэтгёрл. Джокер стреляет ей в позвоночник, тем самым парализуя ее на всю жизнь. Пользуясь беззащит-

¹⁸ В романе есть прямое сравнение войны и чумы (Камю А., Чума. С. 21). В обоих случаях люди полагают, что такое положение вещей «слишком глупо», чтобы продлиться долго; и, несмотря на это, оно длится долго.

¹⁹ Камю А. Чума. М., 2014. С. 42.

²⁰ Там же. С. 60.

²¹ Там же. С. 12.

ностью Барбары, он снимает с нее одежду и делает фото. Затем он захватывает заброшенный парк развлечений, ловит Гордона и сажает его на американские горки, где он проезжает мимо гигантских фотографий, на которых запечатлены боль и унижение Барбары.

Когда появляется Бэтмен, Джокер говорит ему, что мир – это «страшная, черная шутка», потому что он не стоит того, чтобы за него боролись. Злодей считает общественные институты и психическое здоровье отдельных людей хрупкими и ненадежными. Даже самого здравомыслящего человека, такого как комиссар Гордон, утверждает он, может сломить «один плохой день» – как и тот, что породил самого Джокера. Он предполагает, что, возможно, и у Бэтмена когда-то выдался «один плохой день».

К счастью, пережитое не сломило Гордона, и он сохранил здравый рассудок и порядочность. Он говорит Бэтмену, чтобы тот поступил с Джокером «по правилам», стремясь показать ему, что «наш способ работает».

В этих злодеяниях Джокер берет на себя своего рода ответственность, которая является извращенной параллелью той, что взял на себя Бэтмен. Распространение безумия стало его реакцией на абсурд. Выбрав для себя садизм и убийства, он определил их как условия существования человечества.

Теперь давайте рассмотрим Брюса Уэйна и Лесли Томпкинс²². После трагедии Брюс не поддавался пессимизму и нигилизму. Он видел ужас, но вместо того, чтобы принять его как истину мира, стал бороться за справедливость. Вместо того чтобы распространять горе, он хотел предотвратить его повторение. Он посвятил жизнь защите людей от иррационального насилия, рискуя ради этого собой. Его миссия базируется на остром осознании собственной смертности и смертности тех, кого он любит.

В так называемой семье Бэтмена Лесли Томпкинс – даже более близкая параллель с доктором Риэ. Впервые ее представили в комиксе, по сюжету которого ее удивило то, что Бэтмен каждый год возвращается в Преступный переулок в один и тот же день. Она не знала, что оба их жизненных призвания – оба их проекта – зародились в ту роковую ночь, когда «...никто не замечал мальчика, сотрясавшегося от бесконечных рыданий... никто, кроме женщины, которая опустилась перед ним на колени <...> И во всем мире не было ничего... ничего, кроме тепла ее рук и утешительных слов...»²³

Когда Бэтмен спрашивает, почему она продолжает жить в Преступном переулке, она Лесли отвечает: «Однажды я увидела ужасное – ребенка, чьи родители были убиты у него на глазах. Я никогда не забуду этого мальчика. Я посвятила свою жизнь тому, чтобы сделать все возможное для предотвращения подобной трагедии»²⁴. Если в мире существует только Бэтмен, который защищает людей с помощью силы, тогда его борьба действительно может показаться бесполезной. Но у нас также есть Томпкинс. Ее активный проект по улучшению общества, по борьбе с бедностью и отчаянием, которые часто толкают людей на преступления, позволяет ей сказать Бэтмену: «Прости меня... но я живу ради того времени, когда ты и тебе подобные станете ненужными». Бэтмен тоже понимает значение ее деятельности и поэтому может ответить: «Ты... и такие, как ты... вы – надежда Преступного переулка, может быть, единственная надежда, которая осталась у нашей измученной цивилизации»²⁵.

Как мы реагируем на бессмысленность мироздания? Можно впасть в отчаяние и принять его – иногда этот путь смертелен. Но есть также множество способов дать себе и окружающим надежду на лучшее, придать существованию смысл. Некоторые из них предполагают необходимое, но иногда жесткое применение силы для защиты невинных от недобрых намерений

²² Здесь моя интерпретация основывается в основном на ее первом появлении в «There Is No Hope in Crime Alley».

²³ «There Is No Hope in Crime Alley».

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

других людей. Это работа для такого человека, как Бэтмен. Однако некоторые из них предполагают мягкость и терпение, направленные на облегчение страданий как тех, кому причиняют боль, так и тех, кто причиняет боль. Это путь таких людей, как Лесли Томпкинс. Оба делают мир лучше, служа другим и уменьшая общее количество страданий в мире.

Глава 2

*«Я похож на человека, у которого есть план?»: Джокер как козырь Дао.
Райан Харт и Альба Карри*

У Джокера было много воплощений, но его роль агента (или носителя) хаоса остается неизменной. Он всегда сохраняет свою способность удивлять, разрушать наши представления

и ценности, заставляя нас сомневаться в том, так ли стабильно наше общество, как мы предполагаем. Достаточно легко отмахнуться от Джокера как от безумца, анархиста-маньяка, злой силы, которая контрастирует с героической добротой Бэтмена. При этом никто не спорит с тем, что Бэтмен действительно герой. Никто не спорит и с тем, что Джокер относится к злодеям DC. Однако Бэтмена делает привлекательным его неоднозначная натура. Он не просто бойскаут, как Супермен. У Бэтмена есть слои, тени, этический багаж. У Бэтмена есть свой кодекс поведения, но просто сказать, что он «хороший парень», значит сильно упростить положение вещей. Точно так же будет не совсем верно сказать, что Джокер «плохой парень».

Вот одна из причин: если Джокер так часто вносит хаос в готэмское общество, то назвать его злом – значит признать, что готэмское общество – хорошее и заслуживает нашего уважения и защиты. Но любой фанат Бэтмена знает, что это ложь. Преступность и коррупция сочатся из каждого закоулка Готэма. Сама суть комикса тесно связана с образом порочного города. Действительно ли это зло – заставлять людей долго и упорно смотреть на то, что считается обычным, когда эта обыденность так ужасна? С другой стороны, безразличие Джокера к человеческой жизни и страданиям исключает возможность того, что он хороший парень.

Одна из сложностей при навешивании ярлыков на Джокера заключается в самих ярлыках. В Готэме все не так однозначно, и обширные категории не отражают реальность. Существует проблема релятивизма: оценка зависит от человека; то, что один считает хорошим, другой может считать плохим. (Не нужно быть релятивистами, чтобы признать, что это потенциальная проблема²⁶.)

Существует также проблема неопределенности: некоторые поступки могут быть хорошими в одном контексте, но плохими в другом. В большинстве выпусков Бэтмен отказывается убивать, что во многих сферах жизни считается хорошим поступком. Но это позволяет его врагам продолжать сеять хаос. Позволяя таким негодяям, как Джокер, выжить, Бэтмен сохраняет свою собственную моральную чистоту. Однако каждый раз, когда Джокер вырывается на свободу из лечебницы Аркхем, это стоит бесчисленного количества невинных жизней. Можно было бы возразить, что Бэтмен ведет себя аморально, когда придерживается своего принципа не убивать²⁷. Это входит в противоречие с оценкой Бэтмена как хорошего парня.

Так как же нам понять Джокера? Можем ли мы его понять? Один из способов проиллюстрировать образ Джокера – обратиться к наследию ранней китайской философии, особенно к творчеству философа-даосиста Чжуан-цзы: Джокер дикий, подлинный, стихийный, но никак не просто хороший или плохой.

Китайская философия в Готэме?

В чем разница между подлинностью и искренностью? Здесь мы сосредоточимся на двух философских школах древнего Китая (ок. 771–221 до н. э.): конфуцианстве и, что более важно для нашей аргументации, даосизме, в частности на одном из его так называемых основателей, Чжуан-цзы ##. Конфуцианские мыслители выступают за так называемое «исправление имен» (чжэнмин ##). Чжэн означает «выпрямлять», «выравнивать», «приводить в соответствие». Мин – это «имя», «репутация», «ярлык». Идея в том, что люди должны стремиться соответствовать своим социальным ролям или званиям. Это работает минимум на двух уровнях.

²⁶ О вопросах релятивизма и неопределенности, особенно в том, что касается даосской философии, см. Steve Coutinho, *Zhuangzi and Early Chinese Philosophy: Vagueness, Transformation and Paradox* (New York: Taylor & Francis, 2017) и Paul Kjellberg and Philip J. Ivanhoe eds., *Essays on Skepticism, Relativism, and Ethics in the Zhuangzi* (Albany: State University of New York Press, 1996).

²⁷ Иногда смертную казнь защищают, основываясь на том, что она удерживает от преступления других, но доказательств этому мало.

Во-первых, служба и чин человека должны соответствовать друг другу. В Древнем Китае, как и во многих других обществах, существовала сложная сеть аристократических и министерских служб, которые поддерживали друг друга, заставляя шестеренки правительства и общества двигаться. Как и в машине, если одна конкретная служба (один винтик) не выполнял свою роль, весь механизм останавливался.

Во-вторых, роль, которую человек играет в обществе, должна быть созвучна его внутреннему настрою. Конфуцианская мораль, как и многие характерные для Китая этические ценности, подчеркивает важность стабильности и гармонии в обществе. Когда вы стоите перед судьей в Готэм-Сити и отстаиваете свою правоту, вам нужно поверить, что судья не берет взятки от Фальконе, поверить в намерение магистрата вершить правосудие. Исправление имен – это не только про наличие социальной роли или титула («имя»), но и про безупречное соответствие им. Если имя не соответствует намерениям, то в обществе не может быть доверия и, следовательно, единства. (Даже воры в Готэме жалуются, когда другие действуют не в соответствии со своим «воровским званием»!)

Это можно назвать «ролевой этикой». Наши роли (имена) определяют наши этические установки. Пока мы не соответствуем своей роли, этика состоит в том, чтобы направлять самих себя, становясь достойными обозначенной роли. Например, у учителя есть определенные обязанности. Он может выполнять только самые необходимые действия, но мы, вероятно, не назовем его хорошим педагогом. Однако этот конкретный учитель может использовать свою роль как нормативное руководство, как план того, как себя вести и выполнять то, что от него ожидают. Цель – это своего рода положение «притворяйся, пока это не станет правдой». Выполняя все действия с искренним намерением стать лучше, наш учитель освоит назначенную ему роль.

Конфуцианская ролевая этика отчасти основывается на том, что классический китайский язык может быть дескриптивным и прескриптивным одновременно. Когда Конфуций сказал: «Если кубок уже не кубок, разве это кубок! Ну разве это кубок!»²⁸ – он жаловался на то, что название особого ритуального предмета используется для описания других вещей. Это не только неточное описание, но и этический провал, потому что вещи (и люди!) должны соответствовать своим названиям. Если мы говорим «родитель» про того, кто на самом деле никогда не был родителем своего ребенка, мы не только используем вводящий в заблуждение ярлык, но и ведем себя непоследовательно с точки зрения конфуцианской морали.

Конфуцианская ролевая этика требует большего, чем просто соблюдение формальностей: «Нынешняя сыновняя почтительность – это так называемое умение содержать родителей. Однако возьмем, к примеру, собак и лошадей, они все тоже могут быть на содержании. Не будь самого почитания родителей, в чем было бы различие?»²⁹ Роль повзрослевшего ребенка состоит в том, чтобы обеспечивать своих родителей и заботиться о них. Конфуций подчеркивает, что мало просто выкормить ребенка, потому что это делают даже собаки. Моральное различие заключается в том, что те, кто растят детей, могут и должны делать это с добрыми намерениями, а не просто вследствие биологического закона. Искренность превращает простую ролевую игру в исполнение роли.

Это подчеркивает внешнее измерение этики искренности. Искренность важна, потому что мы хотим, чтобы другие люди могли нам доверять. Я хочу, чтобы вы знали, что я искренне связываю свои действия с моим именем/должностью. Такое доверие делает возможным само существование общества.

Последний важный элемент конфуцианской этики искренности – это ролевое моделирование. В известном отрывке из «Лунь Юй» Конфуций говорит, что хорошее правление – это когда «Правитель должен быть правителем, подданный – подданным, отец – отцом, сын –

²⁸ Конфуций. Суждения и беседы «Лунь Юй». М., 2021. Глава VI, 25, #####.

²⁹ Там же. Глава II, 7, #####.

сыном»³⁰. Мы учимся исполнять свои роли, подражая другим; поэтому в конфуцианской этике так высока роль традиций и ритуалов. Подумайте, как часто Бэтмен вспоминает своего отца, Томаса Уэйна, или дворецкого Альфреда. Бэтмен стремится следовать их примеру. В то же время он сам показывает, что у такого поведения есть и темная сторона.

Конфуций говорит: «Случись идти втроем, я непременно извлекаю для себя урок: что нахожу в них доброго, то принимаю, что нахожу в них недоброго, то исправляю»³¹. Это прямое указание на то, что нужно использовать любую возможность учиться. Однако повседневную жизнь философ рассматривает как постоянное наблюдение, вечный поиск образцов для подражания. Когда мы с другими, нам приходится быть начеку. Поскольку этика искренности направлена вовне, существует своего рода давление и контроль. За нами постоянно наблюдают все остальные – действуйте соответственно... Люциус Фокс говорит Бэтмену, что шпионаж не входит в его должностные обязанности («Темный рыцарь»), а затем Барбара Гордон становится Оракулом, помощником Бэтмена по сбору разведданных.

Соответствие между поступками и именем, между ролью и намерениями и постоянное моделирование – все это вместе показывает темную сторону конфуцианской этики. Мы находимся под наблюдением не только со стороны других, но и со стороны самих себя. Необходимо тщательно оценивать и постоянно корректировать свое поведение ради лучшего устройства общества. Джокер во многом олицетворяет противоположность – отказ от конформизма и ярлыков, постоянное, иногда опасное напоминание о дикости, которая присуща жизни.

В моральной схватке за право быть искренними мы неизбежно должны задаться вопросом, распространяется ли искренность на нас самих. Я прохожу все этапы и год за годом вживаюсь в различные роли. Но что насчет моего «истинного я»? Действительно ли я искренен, если искренность никогда не получает должного внимания? Именно эти вопросы порождают дискурс аутентичности, который противоречит этике искренности. Вопрос в том, может ли какая-либо роль быть в полной мере честной, если, в конце концов, это всего лишь роль, которую мы играем в великой социальной драме? Возможно, что самое важное условие подлинности – быть открытым с самим собой.

Кевин Конрой, прославившийся своей работой по озвучанию Бэтмена в мультсериале «Бэтмен» (1992–1995), проницательно заметил, что планы Джокера не имеют смысла ни для кого, кроме него самого. Подлинность направлена внутрь, она заключается в том, чтобы раскрыть себя за разными ролями и образами. Искренность направлена вовне и, следовательно, должна быть понятна другим. Бэтмен работает с Джимом Гордоном и, таким образом, становится понятным для правопорядка, даже если он выходит за грани закона. У Джокера таких ограничений нет. Рассмотрим наиболее известный отрывок из даосского философа Чжуан-цзы:

«Однажды Чжуану Чжоу³² приснилось, что он – бабочка, весело порхающая бабочка. [Он] наслаждался от души и не осознавал, что он – Чжоу. Но вдруг проснулся, удивился, что [он] – Чжоу, и не мог понять: снилось ли Чжоу, [что он] – бабочка, или бабочке снится, [что она] – Чжоу. Это и называют превращением вещей, тогда как между мною, [Чжоу], и бабочкой непременно существует различие»³³.

И бабочка, и Чжуан-цзы способны быть самими собой, получать удовольствие именно потому, что они не заиклены на доказательствах того, что реально. Ни один из них не пытается испытать положение вещей. Мы не имеем здесь дело с этикой искренности. Как отмечает один ученый, «способность искренне притворяться бабочкой во сне зависит от незнания того, кем он

³⁰ Там же. Глава XII, 11, #####.

³¹ Там же. Глава VII, 22 #####.

³² Чжуан Чжоу – другое имя Чжуан-цзы. – *Прим. ред.*

³³ Чжуанцзы. Главное для долголетия. // Мудрецы Китая. Ян Чжу, Ленцзы, Чжуанцзы (пер. Л. Д. Позднеевой). СПб, 1994. С. 138.

является в этот момент»³⁴. Джокер – самый подлинный из всех противников Бэтмена именно потому, что крайне заинтересован в том, чтобы быть искренним, доказывая, кто он на самом деле. Бэтмену нужно поддерживать имидж, имя, которое он должен подтверждать (в терминах конфуцианства). Джокер, напротив, – ничто, и именно поэтому он может быть только самим собой.

Чего такой серьезный?

«Чего все так серьезно?» – вот, по сути, вопрос, который задают Чжуан-цзы и все последователи даосизма конфуцианцам. Зачем тратить так много времени и энергии на то, чтобы мир соответствовал вашим представлениям о морали? Почему бы вместо этого не быть теми, кто вы есть на самом деле, и позволить миру быть таким, каков он есть на самом деле, двигаясь вместе в гармоничном потоке? Когда посланцы правителя пытаются назначить Чжуан-цзы премьер-министром, он продолжает ловить рыбу, даже не потрудившись взглянуть на них, и говорит:

«Слыхал я, что в [царстве – прим. перевод.] Чу есть Священная черепаха. Три тысячи лет как она мертва, и цари хранят [ее] в храме предков [завернутую] в покрывалах в ларце. Что лучше для черепахи: быть мертвой, чтобы почитали и хранили ее панцирь, или быть живой и волочить хвост по земле? <...> Вот и я хочу волочить хвост по земле. Уходите!»³⁵

Чжуан-цзы шутит, но в этой шутке есть доля правды. Служение королю – дело почетное, но это также верный способ потерять голову.

Джокера и Бэтмена часто изображают как своего рода инь и ян. В этом есть доля правды. В «Темном рыцаре» Джокер выражает недоверие к идее убить Бэтмена. Он хочет играть с ним, вечно танцевать взад-вперед: носитель хаоса с носителем порядка. «Настоящие» гангстеры даже спрашивают Джокера: «У преступников были принципы. Во что веришь ты?» Общепринятая точка зрения заключается в том, что конфуцианская этика искренности породила противодействующую силу; также миссия Бэтмена породила миссию Джокера. Считается, что эта противодействующая сила – даосизм. Чжуан-цзы не просто проповедует своего рода «антиконфуцианство». Он призывает нас полностью отказаться от этого контролирующего импульса. Вот почему Джокер на самом деле не заинтересован в убийстве Бэтмена. Для него важнее заставить Бэтмена увидеть беспорядок в мире, то, что его постоянная борьба, контроль и следование своей роли просто не соответствуют тому, чем на самом деле является Готэм.

Если конфуцианцы отстаивают традиции и ритуалы, верят в сложное социальное взаимодействие, которое совершенствует нас, то последователи даосизма настаивают на возвращении к естественному образу жизни. Вместо того чтобы навешивать ярлыки, давать названия и оценивать, даосизм призывает нас перестать проецировать созданные человеком категории на окружающий мир. Позвольте вещам быть такими, какие они есть, цвести в свое время, идти своими путями. Дао # («путь» или «дорога») у конфуцианцев означает путь древних правителей, культурных героев, которым мы должны подражать. В даосизме дао приобретает более метафизический смысл: это устройство Вселенной, естественные ритмы мира. Люди слишком часто забывают, что сами являются частью вселенной. Наша рациональность становится препятствием. Мы держимся особняком, осуждаем и навешиваем ярлыки. «Это правильно, а то неправильно». Последователи даосизма отмечают, что мир больше, чем наши представления о нем, а потому, когда что-то не вписывается в наши схемы, мы разочаровываемся или злимся.

³⁴ Hans-Georg Moeller and Paul J. D'Ambrosio, *Genuine Pretending* (New York: Columbia University Press, 2017), С. 129.

³⁵ Чжуанцзы. С осенними разливами // Мудрецы Китая. Ян Чжу, Ленцзы, Чжуанцзы (пер. Л. Д. Позднеевой). СПб, 1994. С. 234.

Попытки контролировать все вокруг выматывают. Это истощает нашу внутреннюю энергию и приводит к глубокому недовольству. Бэтмен несчастен. Джокер веселится вовсю.

Даосский козырь

Вот хорошая метафора, позволяющая понять Джокера как фигуру, подобную Чжуан-цзы³⁶. Представьте себе партию игры в карты, в которой игроки не знают правил, а у их игры нет цели. Есть два типа игроков. Игроки первого типа спорят о достоинстве разных карт, о правилах игры и так далее. Они уверены, что в игре есть четкие правила и смысл, и изо всех сил стараются убедить других игроков следовать им. Бэтмен и конфуцианцы подходят под это описание. Бэтмен борется с бесконечным потоком преступлений, цепляясь за свои правила и принципы. Джокер представляет второй тип игроков, для которых правила совершенно произвольны. Достоинство карт зависит от того, в какую игру мы хотим сыграть. Джокер и Чжуан-цзы не пытаются никого ни в чем убедить. Они не ищут стабильности за хаосом игры, потому что хаос и есть игра. Брук Ципорин называет этот подход в философии Чжуан-цзы «козырь»; поразительно, что его можно применить и к Джокеру.

Козырь, обычно представленный картой шута, не имеет фиксированного достоинства. Его назначение и смысл намеренно не раскрываются. Джокер не завершает игру. Он не хочет убивать Бэтмена. Джокер привносит в игру непредсказуемость. Представьте себе детей, играющих на заднем дворе. Правила их игры постоянно меняются, но этот хаос – часть взаимодействия. Если появится взрослый, запишет правила и заставит детей их соблюдать, это только испортит веселье. Схожим образом Джокер и Чжуан-цзы полагают, что правила, по которым мы живем, не так уж стабильны, и Джокер показывает нам, что всего один случайный элемент может изменить все. Джокер не пытается основать царство зла. Он не на стороне готэмских гангстеров. Он бросает вызов негласным нормам криминального мира, когда использует убежище преступников в Белизе как свой собственный задний двор³⁷. Бэтмен и мафия – вот настоящие инь и ин. Джокер – это нечто более дикое.

Когда Джокер спорит с Харви Дентом в больнице после того, как изуродовал его, мы видим ярчайшее проявление его менталитета. Джокер признает, что его цель – не закончить игру, а уничтожить Готэм. Он хочет показать, насколько абсурден город. Там, где Бэтмен, а до него конфуцианцы стремились установить правила и незыблемые ценности, Джокер хочет, чтобы мы увидели неразумность попыток сформулировать правила игры, находящейся за пределами нашего понимания, а после следовать им. Чжуан-цзы пытается отбросить социальные категории, которые затуманивают наше сознание. Хаос Джокера справедлив в том же смысле. Это не личная неприязнь к какому-то человеку или идее – это вызов самой идее стабильной веры как таковой.

Желанен ли такой образ жизни? Согласно «стандартной готэмской морали», Джокер – плохой парень, так что стремящиеся к хорошей жизни не могут подражать ему. Но Чжуан-цзы обращает внимание на то, что даже базовая концепция добра и зла сама по себе является оценочным суждением, спором о правилах. Что, если мы попытаемся увидеть Джокера через призму Чжуан-цзы? Не как добро или зло, но что-то совсем другое. Бэтмен и гангстеры – это ян и инь соответственно. Вместо этого Джокер-козырь предлагает идти по миру, не стиснув зубы и не цепляясь за свои убеждения, не пытаясь победить. Это не доктринальное утверждение о том, что правильно, а что нет, – это терапевтический подход к жизни. Даосизм говорит нам,

³⁶ Интерпретация «козыря», обнаруженная в статье Брука Ципорина «Zhuangzi as Philosopher», Hackett Publishing Company, статью можно прочесть по адресу: <https://hackettpublishing.com/zhuangziphil#:~:text=Zhuangzi's%20style%20is%20decidedly%20unlike,one%20of%20them%20%5B1%5D> (дата обращения 22 марта 2024).

³⁷ James Tynion IV, Matthew Rosenberg, Guillem March and Francesco Francavilla, *The Joker* Vol. 1 (Burbank: DC Comics, 2021).

что мы, люди, забыли, что являемся частью природы, чего-то более глубокого и дикого, чем наши человеческие категории. Эта дикость не всегда безопасна, ее не всегда легко понять, но она часть нас самих, и ее отрицание приводит к своеобразной ностальгии, усталости и экзистенциальному утомлению.

Искренность или подлинность

Когда мы называем Джокера «злом», мы исходим из точки зрения Бэтмена, из конфуцианской концепции этики искренности. Конечно, Джокер неискренен, но в этом есть смысл, так ведь? Как может Джокер быть искренним? У него нет четкой идентичности, нет стабильной системы ценностей. У Джокера есть много вариантов истории своего происхождения; в фильме «Темный рыцарь» он сам предлагает несколько противоречивых версий. Нет смысла обвинять Джокера во лжи. Или, по крайней мере, это кажется довольно беззубой критикой. Дикость Джокера указывает на глубокую разницу между искренностью и подлинностью. Конфуцианская этика ценит искренность, но Чжуан-цзы показывает, что за искренность приходится платить (постоянный моральный надзор за собой и другими, стремление выполнять свои роли, а не заботиться о себе). Джокер явно неискренен, однако эта неискренность естественна. Он сторонится стабильности во всех ее проявлениях, не только закона, порядка и истины, но и самой идентичности. И из-за этой тотальной неискренности Джокер – подлинно неподдельный козырь.

Глава 3

*Дионисийский клоун: анализ Шута с помощью философии Ницше.
Марко Фаваро*

«...Ничто не доставляет нам такого удовольствия, как шутовской колпак: он нужен нам для нас самих»³⁸, – пишет немецкий философ Фридрих Ницше (1844–1900). Высмеивая истины и ценности, «шут» разрушает и бессмысленный мир, обнажая хаос, который скрывается за привычным фасадом. Он являет собой дионисийское начало, гибельное по своей природе стремление, которое тем не менее необходимо для создания рациональных иллюзий. В Джокере легко рассмотреть воплощение разрушительной силы Диониса, свободный дух, который смеется над человеческими ценностями и условностями и принимает абсурдность мира. Дионис противостоит Аполлону, богу солнца, рациональной мысли и порядка. Однако мы не можем просто отождествить Джокера с Дионисом, а Бэтмена – с Аполлоном. Хотя Бэтмен известен как помешанный на контроле герой, который борется за аполлонический порядок, он сам продукт Диониса и его выражение. Бэтмен и Джокер по-разному реагируют на Диониса, на тот «плохой день», который навсегда меняет их жизни. Джокер принимает абсурд, в то время как Бэтмен «продолжает притворяться, что у жизни есть смысл»³⁹. Может ли Джокер создать новый смысл, или он просто «шут», который способен только разрушать? В этой статье мы рассмотрим некоторые из самых знаковых историй о Джокере, чтобы понять, что для человека значит «открыть того героя и вместе с ним того дурня»⁴⁰, когда он хочет справиться со «страшной, черной шуткой, [которой является мир]»⁴¹.

Слишком много Джокеров

Кто такой Джокер? Или нам следует спросить, кто такие Джокеры? Персонажи, которые существуют уже много десятилетий, часто подвергаются ремейкам, перезапускам и переосмыслениям. Однако эти многочисленные версии важны для Принца-клоуна преступного мира. Как говорит Дэн Хассун, «у Джокера нет первоисточника, поэтому точная суть его персонажа разбросана по многочисленным текстам разных поколений»⁴².

Существование разных Джокеров может иметь множество причин (маркетинговые цели, изменение духа времени, социально-исторические тенденции, смена актера)⁴³, но мы будем следовать идее Моррисона, которую он выразил в «The Clown at Midnight» («Клоун в полночь»): каждая версия – это не самостоятельный персонаж, а все тот же Джокер, который переосмысливает себя, «переосваивая» более ранние формы⁴⁴. «Он меняется каждые несколько лет <...> У него нет единой личности, вспомни, только ряд „суперперсон“...»⁴⁵, – утверждает Бэтмен в комиксе Моррисона. Трансформация Джокера описана ярко: «Множество голосов Джокера борются за контроль, пока он готовится совершить богохульство, родив самого себя, словно перевернув слово Божье»⁴⁶. Марк П. Уильямс пишет: «Джокер Моррисона усвоил призматическую или многовекторную форму: он неконгруэнтен самому себе»⁴⁷. Отсутствие фик-

³⁸ Ницше Ф. Веселая наука // Полное собрание сочинений в тринадцати томах. Третий том: Утренняя заря, Мессинские идилии, Веселая наука. М., 2014. С. 425.

³⁹ Мур А. Бэтмен: Убийственная шутка: издание делюкс: графический роман. СПб., Азбука, Азбука-Аттикус, 2016.

⁴⁰ Ницше Ф. Веселая наука // Полное собрание сочинений в тринадцати томах. Третий том: Утренняя заря, Мессинские идилии, Веселая наука. М., 2014. С. 425.

⁴¹ Мур А. Бэтмен: Убийственная шутка: издание делюкс: графический роман. СПб., Азбука, Азбука-Аттикус, 2016.

⁴² Dan Hassoun, «The Joker as Performance Style from Romero to Ledger», в Robert Moses Peaslee and Robert G. Weiner eds., The Joker: A Serious Study of the Clown Prince of Crime (Jackson: University Press of Mississippi, 2015). С. 3.

⁴³ Hassoun, «The Joker as Performance Style», С. 3–4. См. Travis Langley, «Which Joker?» в Travis Langley ed., The Joker Psychology: Evil Clowns and the Women Who Love Them (New York: Sterling, 2019). С.11–27.

⁴⁴ Grant Morrison and John Van Fleet, «The Clown at Midnight», Batman № 663, в Batman and Son (New York: DC Comics 2007).

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Там же.

⁴⁷ Mark P. Williams, «Making Sense Squared: Iteration and Synthesis in Grant Morrison's Joker», в Peaslee and Weiner eds.,

сированного «Я» – и, как следствие, воссоздание «я» – согласуется с тем, что Клоун является выражением дионисийской реальности, которую описал Ницше.

Бог вина и музыки, иррациональности и хаоса

Дионис, сын Зевса и Семелы, с самого рождения отличался двойственной природой. Его называли «дважды рожденным», потому что он пробыл в утробе матери только шесть месяцев, а затем Зевс убил ее. Гермес спас его, зашив в бедро Зевса, чтобы он рос там⁴⁸. Его внешность неоднозначна: он «воспринимается одновременно как человек и животное, юноша и взрослый»⁴⁹. Он бог вина, но одновременно и опьянения, экстаза и ритуального безумия. «Мифы о Дионисе и его культы часто жестоки и причудливы, они представляют угрозу для установленного общественного порядка»⁵⁰.

Чтобы описать два основных начала человека, Ницше противопоставляет фигуру Диониса фигуре Аполлона – бога солнца, изобразительного искусства и рационального мышления. Он «рассматривает аполлоническую тенденцию как более жесткую, фиксированную, скульптурную <...> Дионисийский порыв <...> более текуч и связан с „неизобразительным“ искусством музыки»⁵¹. Однако прекрасные и скульптурные истины, которые создает аполлоническое начало, – это всего лишь мечты, иллюзии, призванные скрыть тревожащую дионисийскую реальность, спрятанную за ними. Развивая идеи Артура Шопенгауэра (1788–1860), который считал, что мир, каким мы его видим – это иллюзия и завеса перед метафизической реальностью, которая по своей природе зла и болезненна, Ницше использует образ бога экстаза, чтобы описать враждебный человеку мир, полный хаоса, в котором, однако, боль и радость в конечном счете воссоединяются⁵².

В «Рождении трагедии» и в эссе «Об истине и лжи во внеэтичном смысле» Ницше описывает хаотичную реальность, враждебную жизни, лишенную смысла, кроме того, который создают люди: ценности, мораль, законы и истины – это иллюзии, аполлонические маски, созданные мужчинами и женщинами, чтобы выжить. Ницше отсылает к древним грекам, первым, кто «...знали и ощущали страхи и ужасы существования: чтобы вообще иметь возможность жить, они вынуждены были заслонить себя от них блистающим порождением сновидений – образами олимпийцев»⁵³. Древние греки выбрали поверхность, иллюзию и изобрели рациональные, аполлонические маски, чтобы выжить в бессмысленном мире.

Кошмарная шутка

Такую же ужасную реальность обнаружил Джокер после того, как упал в чан с кислотой на химическом заводе «ЭЙС». В «Убийственной шутке» Алан Мур мастерски описывает момент рождения Джокера, который вспоминает сам Клоун: «Когда я увидел, что наш мир – это одна большая, страшная, черная шутка, я сразу слетел с резьбы! <...> Все вокруг – одна большая

The Joker: A Serious Study, С. 213.

⁴⁸ Грейвс Р. Мифы Древней Греции. М., 2014. С. 53.

⁴⁹ Albert Henrichs, Greek Myth and Religion, ed. Harvey Yunis (Berlin: De Gruyter, 2019). С. 383.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ John Carvalho, «Dance of Dionysus: The Body in Nietzsche's Philosophy of Music», International Studies in Philosophy 35 (2003). С. 107.

⁵² Giorgio Colli, Apollineo e Dionisiaco (Milan: Adelphi, 2010). С. 62.

⁵³ Ницше Ф. Рождение трагедии // Полное собрание сочинений в тринадцати томах. Первый том. Часть первая. Рождение трагедии, Из наследия (сочинения 1869–1873 годов). М., 2012. С. 32.

шутка! Все, что мы так ценим, за что боремся... Это розыгрыш! Чудовищный, сумасшедший, большой!»⁵⁴

Это второе рождение Клоуна, который, как и дважды рожденный Дионис, разорван на части; отчасти физически, как греческий бог (кожа Джокера обожжена кислотой)⁵⁵, но главным образом психологически. Обнаружив «страшную шутку», которая заключается в фундаментальной бессмысленности существования, Джокер находит «запасной выход», которым становится безумие⁵⁶. «Джокер <...> считает, что безумие – единственный реалистичный способ справиться со случайностью и отсутствием смысла, которые он ощущает во Вселенной»⁵⁷. Это прозрение показывает Джокеру, что безумие – это не исключение и не ошибка, нарушающая рациональную реальность. Напротив, аполлонические маски неуместны в иррациональном мире. Более того, безумие Джокера особого рода⁵⁸. Это не психоз, а скорее «сверхздоровье», как ее определяет Моррисон⁵⁹. «Хоть это и безумие, но в нем есть последовательность», – говорит Полоний в «Гамлете» (акт 2, сцена 2). Джокер не страдает психозом, он ясно видит дионисийскую реальность «жестокости, иррационального» мира и «непреложный факт, что человеческое бытие – это сплошь хаос, безумие и бесцельность»⁶⁰ – и действует в соответствии с этим.

Травматический опыт Диониса объединяет Бэтмена и Джокера, у него схожие корни. Как говорит Джокер: «Чтобы превратить самого здорового человека на свете в полного психика, нужен всего-навсего один плохой день»⁶¹. «Один плохой день» – это первое столкновение с абсурдом, которое часто объединяет злодеев и героев⁶². Однако результат отличается. Перефразируя Джокера: у героев вроде Бэтмена был плохой день, только они не хотят в этом признаваться и продолжают притворяться, что жизнь имеет смысл⁶³. Брюс Уэйн сталкивается с бездной абсурда, но отрицает это: создавая образ Бэтмена, он заставляет мир обрести смысл⁶⁴.

Джокер, напротив, полностью принимает Диониса, о чем свидетельствуют постоянно меняющиеся личности. Отсутствие непротиворечивой истории его становления подчеркивает это. Он отказался не только от своей прежней личности, но и от самой возможности иметь цельное представление о себе. Его происхождение, которое могло бы повлиять на его новое «я», неопределенно и изменчиво; как говорит сам Джокер: «Если я уж обязан иметь прошлое, то почему только одно?»⁶⁵ Таким образом, остается только что-то хаотичное и неопределенное. Джокер становится воплощением хаоса и начинает распространять его, смеясь над иллюзиями общества.

⁵⁴ Мур А. Бэтмен: Убийственная шутка: издание делюкс: графический роман. СПб., Азбука, Азбука-Аттикус, 2016.

⁵⁵ См. Marco Favaro, «Flesh, Scars, and Clay: The Role of Pain and Bodies in the Creation of Identity and Meaning», в Marco Favaro and Justin F. Martin eds., *Batman's Villains and Villainesses: Multidisciplinary Perspectives on Arkham's Souls* (London: Lexington Books, 2023). С. 109–121.

⁵⁶ Мур А. Бэтмен: Убийственная шутка: издание делюкс: графический роман. СПб., Азбука, Азбука-Аттикус, 2016.

⁵⁷ Eric D. Wesselmann, Travis Langley and Vanessa Hicks, «Horror: A Clown at Midnight», в Langley ed., *The Joker Psychology*. С. 63.

⁵⁸ См. Marco Favaro, *La Maschera dell'Antieroe* (Milan: Mimesis, 2022), С. 140–147.

⁵⁹ См. Моррисон Г. Бэтмен: Лечебница Аркхем: Графический роман. СПб., Азбука, Азбука-Аттикус, 2014.

⁶⁰ Мур А. Бэтмен: Убийственная шутка: издание делюкс: графический роман. СПб., Азбука, Азбука-Аттикус, 2016.

⁶¹ Там же.

⁶² Peter Coogan, *Superhero: The Secret Origin of a Genre* (Austin: MonkeyBrain Books, 2006). С. 106.

⁶³ Мур А. Бэтмен: Убийственная шутка: издание делюкс: графический роман. СПб., Азбука, Азбука-Аттикус, 2016.

⁶⁴ Миллер Ф. Бэтмен: Возвращение Темного Рыцаря: графический роман. СПб., Азбука, Азбука-Аттикус, 2016.

⁶⁵ Мур А. Бэтмен: Убийственная шутка: издание делюкс: графический роман. СПб., Азбука, Азбука-Аттикус, 2016.

Смех и танец

Смех и танец – два взаимосвязанных способа, с помощью которых дионисийство проявляет себя и раскрывает свою силу. Именно «Заратустра-танцор», согласно Ницше, провозглашает свой «священный смех»⁶⁶. Смех – это основная черта, которая характеризующая Принца-клоуна преступного мира. Смех Джокера пугает, поскольку он подразумевает смерть и разрушение. Тем не менее эта метаморфоза того, что обычно ассоциируется со счастьем и легкостью, лишь на первый взгляд кажется странной: «Юмор во многом опирается на те же элементы несоответствия и неожиданности, что и хоррор, и, возможно, именно поэтому Джокер объединяет их»⁶⁷. Подобно хоррору, шутки и смех связаны с хаосом, абсурдом и двусмысленностью. Это придает смеху разрушительную силу, сравнимую с насилием: он разрушает универсальный смысл, который вещам придает серьезность; он высмеивает их.

Современный итальянский философ Умберто Галимберти утверждает, что «мы смеемся не над распространением смысла, а над его обратимостью, над его возвращением к самому себе <...> Производимая нами бессмыслица <...> это отказ от того, что вещи, все вещи, имеют один единственный смысл»⁶⁸. Это значит, что «смех отменяет социальные законы, подрывает власть институтов, ничего не создает, <...> но просто подтверждает движение жизни там, где оно должно было остановиться»⁶⁹.

Ницше осознал силу смеха. Он утверждал, что для счастья требуется «игра с серьезностью»⁷⁰, а игра «со всем, что до сих пор называлось священным», – это то, что характеризует «великое здоровье»⁷¹. Ницше говорит о шуте и вольном духе, которые насмеются над «серьезным человеком»⁷². Дух серьезности (*esprit de sérieux*), как его называл Жан-Поль Сартр (1905–1980), имеет особенность: «...рассматривать ценности как трансцендентные данные, не зависящие от человеческой субъективности»⁷³; он ошибочно считал аполлонические иллюзии метафизическими истинами: «бытием, посредством которого существуют ценности»⁷⁴. Смех способен разоблачить эту иллюзию, демонстрируя ее абсурдность. Говоря словами Заратустры: «Тревожно человеческое существование и все еще лишено смысла: шут может стать для него судьбой»⁷⁵. Смех Джокера «проявляется как смех над жестокостью и абсурдностью человеческого существования»⁷⁶. Это не значит, что юмор Джокера мрачен, а его шутки плохи, – в этом-то и заключаются суть. Его смертоносные шутки направлены на то, чтобы «предвестить конец человеческого существования», показать серьезному человеку, как легко может быть разрушен его мир, состоящий из убеждений и истин: «Их принципы, их кодекс – всего лишь слова, забываемые при первой опасности»⁷⁷.

⁶⁶ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. // Полное собрание сочинений в тринадцати томах. Том четвертый: Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. М., 2007. С. 97.

⁶⁷ Travis Langley and Doosje Sibe, «Humor: Who's Laughing?» в Langley ed., *The Joker Psychology*. С.108.

⁶⁸ Umberto Galimberti, *Il corpo* (Milan: Feltrinelli, 2018). С. 474–476.

⁶⁹ Там же. С. 489.

⁷⁰ Ницше Ф. Об истине и лжи во вненравственном смысле. // Полное собрание сочинений в тринадцати томах. Том первый, часть вторая: Несвоевременные размышления, Из наследия 1872–1873 гг. М., 2005. С. 447.

⁷¹ Ницше Ф. Веселая наука // Полное собрание сочинений в тринадцати томах. Третий том: Утренняя заря, Мессинские идиллии, Веселая наука. М., 2014. С. 580–582.

⁷² Там же. С. 425.

⁷³ Сартр Ж. П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. М., 2000. С. 625.

⁷⁴ Там же. С. 626.

⁷⁵ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. // Полное собрание сочинений в тринадцати томах. Том четвертый: Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. М., 2007. С. 20. Курсив М. Фаваро.

⁷⁶ Langley and Doosje, «Humor: Who's Laughing?». С. 116.

⁷⁷ «Темный рыцарь», режиссер Кристофер Нолан (Warner Bros. Pictures, Legendary Pictures, DC Entertainment, Syncopy,

Джокер играет с тем, что серьезно и свято; он смеется над утратами, болью, смертью. Однако смерть и страдания, так же как смех и шутки, коренятся в бессмысленной дионисийской реальности. Осознавая фундаментальную бессмысленность страданий, Джокер предпочитает смеяться над ними. Джокер в интерпретации Тодда Филлипса является примером такого мрачного юмора. Вспомните об убийстве Рэндалла, коллеги Артура Флека, и подумайте о том, как неловко Артур взаимодействует с Гэри. Когда Гэри пытается уйти, Артур набрасывается на него, но только для того, чтобы напугать, а затем, смеясь, откидывается назад. Артур прекрасно понимает травму Гэри, но вместо того, чтобы отнестись к ней серьезно, он играет с ним. Абсурд достигает апогея, когда Гэри, страдающий карликовостью, пытается открыть дверь и вынужден просить Артура о помощи, превращая драматический момент в болезненно-смешной и почти комичный. Это показывает, как Джокер видит мир: забавным не вопреки, а благодаря его болезненной бессмысленности.

Эта сцена дает представление о том, как Джокер смотрит на жизнь. Он смеется над нами из-за того, что мы придаем смысл бессмысленному миру. Чем «серьезнее» тема, тем больше Джокер шутит над ней и пытается продемонстрировать ее абсурдность. «Неужели ты не видишь, как это смешно?»⁷⁸ – спрашивает он Бэтмена, перечисляя прочие нелепости цивилизованного общества. Его цель та же, что и у «свободного духа»: смеяться над всеми иллюзиями, которые общество «воспринимает всерьез», таким образом разрушая их. Его шутки демонстрируют бессмысленность существования и дионисийскую хаотическую реальность, что скрывается за человеческой ложью. Подобно Дионису, культы которого являли собой угрозу и уничтожали общественный порядок, Джокер заявляет: «...нарушение установленного порядка – и все вокруг повергается в хаос»⁷⁹.

Знаменитая сцена «танца на лестнице», которая следует за драматической сценой с Гэри, предлагает нам еще один взгляд на Джокера как на дионисийского персонажа. Как и смех, танец обладает разрушительной и экстатической силой. В танцующем теле Ницше видит «разрушение принципа индивидуализации танцора, умножение идентичности тела»⁸⁰. Дионисийский экстаз, приводящий к потере «я», достигается в первую очередь с помощью танца, который разрушает принцип индивидуации, а не при помощи вина и опьянения. Во время танца человек теряет свою идентичность, начиная с самой физиологии тела. В танце «части тела, положение которых могло бы иметь смысл, которые могли бы быть связаны друг с другом <...> смещаются, и сила музыки распределяется, разъединяется, рассеивается между руками и ногами <...> вся география тела меняется на противоположную. „Высшее“ – это низшее, а „низшее“ – это идеал. Благодаря этому наше мировоззрение становится богаче»⁸¹.

Пока Артур раскачивается, размахивая руками и ногами, спускаясь по лестнице, он исполняет экстатический, дионисийский танец. Он движется хаотично, не следуя четкому плану; эффект достигается в основном за счет конечностей, которые, кажется, как у марионетки, не связаны с телом. Сама музыка внезапно меняет тональность, словно импровизируя, подчеркивая экстатический транс Артура и его хаотичную метаморфозу. Его превращение в «Джокера» почти завершилось.

Танец воссоздает разрушение индивидуальной идентичности, которое пережили и Дионис, и Джокер. Как утверждает итальянский философ Джорджо Колли (1917–1979), «в музыкальном состоянии ума противопоставление субъекта и объекта исчезает – и это единственное условие для постижения истины вещей»⁸², по своей сути дионисийской. Таким образом, вме-

2008).

⁷⁸ Мур А. Бэтмен: Убийственная шутка: издание делюкс: графический роман. СПб., Азбука, Азбука-Аттикус, 2016.

⁷⁹ «Темный рыцарь», режиссер Кристофер Нолан.

⁸⁰ John Carvalho, «Dance of Dionysus». С. 110.

⁸¹ Там же.

⁸² Colli, Apollineo e Dionisiaco. С. 43.

сте с изменением и умножением смыслов танец влечет за собой уничтожение личности, синтез созидательной и разрушительной силы Диониса. Подобно тому, как Ницше видит в Дионисе союз радости и страдания, разрушительная и созидательная сила бога вместе выражается в танце. (Мы, безусловно, можем ожидать, что танец и музыка будут играть главную роль в «Джокере: Безумие на двоих»⁸³, который, по сути, заявлен как мюзикл.)

Однако танец – это не только способ постичь Диониса: как и смех, он – способ пережить его. «Дионисийский оргиастический танец <...> служит высшим метафизическим утешением для разума от бессмысленной случайности власти Воли»⁸⁴. «Убийственная шутка» демонстрирует нам роль танца и смеха. Джокер танцует и поет покалеченному комиссару Гордону свою «I Go Looney» («Просто двинься»), чтобы доказать необходимость безумия: «Прочь отступит беда... / Уколы на всех, таблетки и смех, дурдомы ждут нас всегда!»⁸⁵

Злые сверхлюди

Сверхчеловеку Ницше, как и шуту и свободному духу, известен Дионис. Сталкиваясь с пугающей реальностью, он тоже смеется: «...ни человека более, – преображенный, просветленный, который смеялся! Никогда еще на земле не смеялся человек, как он смеялся!»⁸⁶ Однако сверхчеловек не просто смеется – он выходит за пределы абсурда. Сверхчеловек демонстрирует не только разрушительную сторону Диониса, но также и его созидательную силу.

Ницше описывает три духовные метаморфозы человека. Сначала человеческий дух – это верблюд, обремененный ложными метафизическими истинами, повинующийся общественным правилам и морали. Мужчины и женщины могут освободиться от этого бремени, став Львом, который на верблюжье «Ты должен» отвечает «Я хочу»⁸⁷. Лев – это свободный дух, который освободил себя от аполлонических иллюзий. Однако для того, чтобы стать сверхчеловеком, требуется третья метаморфоза: нужно превратиться в ребенка. Он не только разрушает старые иллюзии, но и способен создавать новые: «Создавать новые ценности – этого не может даже лев»⁸⁸. На какой стадии находится Джокер? Как и свободный дух, он смеется и разрушает, но может ли он также созидать? Дэниел Мозли утверждает:

«Джокер стремится к тому, что философ Фридрих Ницше называет „высшими ценностями“, и призывает к „переоценке ценностей“. Джокер по-своему призывает нас воспринимать зло как добро, а справедливость и мораль – как зло. Джокер также утверждает ценность творчества и своей собственной аутентичности»⁸⁹.

Действительно, мы видим, что Джокер отстаивает другой набор ценностей. Более того, освободившись от единой истины, Джокер может постоянно разрушать и воссоздавать себя. Как описывает его доктор Рут Адамс: «Вполне возможно, на самом деле мы наблюдаем здесь своего рода сверхздравый рассудок. <...> Он ежедневно создает себя сам. Он воспринимает себя как повелителя хаоса, а мир – как театр абсурда»⁹⁰.

⁸³ На момент написания этой книги фильм «Джокер: Безумие на двоих» еще не вышел. Книга в оригинале вышла 30 августа 2024 г., а фильм – спустя несколько месяцев, 4 октября 2024 г. – *Прим. ред.*

⁸⁴ Walter H. Sokel, «On the Dionysian in Nietzsche», *New Literary History* 36 (2005). С. 502.

⁸⁵ Мур А. Бэтмен: Убийственная шутка: издание делюкс: графический роман. СПб., Азбука, Азбука-Аттикус, 2016.

⁸⁶ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. // Полное собрание сочинений в тринадцати томах. Том четвертый: Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. М., 2007. С. 164.

⁸⁷ Там же. С. 25–26.

⁸⁸ Там же. С. 26.

⁸⁹ Daniel Moseley, «The Joker's Comedy of Existence», в Ben Dyer ed., *Supervillains and Philosophy: Sometimes, Evil Is Its Own Reward* (Chicago: Open Court, 2009). С. 132.

⁹⁰ Моррисон Г. Бэтмен: Лечебница Аркхем: Графический роман. СПб., Азбука, Азбука-Аттикус, 2014.

Истории Джокера – это не просто ложь. Когда он спрашивает: «Хочешь знать, откуда у меня эти шрамы?», а затем каждый раз рассказывает новую предысторию⁹¹ – он не врет, потому что человек не может по-настоящему лгать, если твердо убежден в отсутствии определенной правды. Это, скорее, часть непрерывного формирования его мировоззрения и личности. Он лжет? «Возможно. Но интересно. Как ни крути, правда – весьма скучная штука. Без прикрас... только сухие факты... в ней нет души. <...> Я предпочитаю вымысел, иллюзии. Чуть-чуть макияжа и очень много театральных приемов»⁹².

Древнегреческий философ, впервые создавший аполлонические маски, знал, что истории и иллюзии необходимы. Однако новое мировоззрение с новыми ценностями (утверждающее, что безумие предпочтительнее рациональности) обязательно будет восприниматься как искаженное и злое с точки зрения общепринятых моральных ценностей общества. Вот почему для «нормальных людей» Джокер – «моральный урод», человек, который «сознательно выбирает зло»⁹³. При этом сверхчеловек тоже является злом с точки зрения общества. Заратустра, «друг злых»⁹⁴, говорил так: «„Человек должен становиться лучше и злее“ – так учу я. Самое злое нужно для блага сверхчеловека»⁹⁵.

Так же, как понятия «ложь» и «иллюзия» обретают новое значение, когда нет неизменной истины, так и понятие «зло» меняется в отсутствии четко определенной морали. Это может означать вызов общепринятым ценностям, восстание против статус-кво или попытку его изменить. Сверхчеловек по своей сути «зол», поскольку он разрушает старые ценности и вводит новые. Мы не можем осуждать эту новую мораль, потому что после переоценки всех ценностей старые нельзя сравнивать с теми, что пришли им на смену. Может быть, нам стоит поверить Джокеру, когда он говорит: «Я не чудовище, я вижу их насквозь»⁹⁶.

Панчлайн

Дионисийская сила имеет два лика: созидаящий и разрушающий. Очевидно, что Джокер воплощает последний: он свободен от старых аполлонических масок и смеется над «серьезным человеком» за то, что тот верит в осмысленный мир. Однако мы могли бы возразить, что Клоун остается рабом разрушающей стороны Диониса. Отсутствие определенной идентичности свидетельствует, что он не в состоянии преодолеть абсурд. Тем не менее мы видим силу самотворчества Джокера, например в комиксах Моррисона *Clown at Midnight* и «Лечебница Аркхем». А один из самых недавних примеров – комикс, в котором показаны три разных Джокера, которые буквально стремятся создать нового: «Что мы будем делать дальше? – «То же, что и всегда. Попытаемся создать улучшенную версию Джокера»⁹⁷.

Является ли Джокер свободолюбивым духом, способным просто посмеяться над серьезным Бэтменом? Или он действительно, опережая события, является сверхчеловеком? Или Бэтмен, заставляющий мир обретать смысл, воплощает в себе сверхчеловека, в то время как Джокер поглощен хаосом? Быть может, они просто два парня в психиатрической лечебнице. Окончательная классификация невозможна, потому что Джокер, по сути, не поддается опре-

⁹¹ «Темный рыцарь», режиссер Кристофер Нолан.

⁹² Шейич С. Харлин: графический роман. СПб., Азбука, Азбука-Аттикус, 2021.

⁹³ Moseley, «The Joker's Comedy of Existence». С. 130.

⁹⁴ Ницше Ф. *Ессе homo* // Полное собрание сочинений в тринадцати томах. Шестой том: Сумерки идолов, Антихрист, *Ессе homo*, Дионисовы дифирамбы, Ницше contra Вагнер. М., 2009. С. 280.

⁹⁵ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. // Полное собрание сочинений в тринадцати томах. Том четвертый: Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого. М., 2007. С. 290.

⁹⁶ «Темный рыцарь», режиссер Кристофер Нолан.

⁹⁷ Джонс Дж. Бэтмен: Три Джокера. Издание делюкс: графический роман. СПб., Азбука, Азбука-Аттикус, 2021.

делению, он – носитель хаоса, дионисийский шут: «Джокер с историей? У которого есть имя? Личность? Зачем? Это идет вразрез с самой моей сущностью»⁹⁸.

⁹⁸ Там же.

Глава 4

*Принц-клоун Хаоса: философия и страх перед неопределенностью.
Альберто Моран-Роа*

Бэтмен – это тот, кого вы могли бы назвать героем по определению. Его клятва придает смысл тому, что могло бы показаться полным безумием: каждую ночь он погружается в самый опасный город в мире, не обладая сверхспособностями и отказываясь от чудовищной привилегии убивать. Весь его мир организован вокруг этой цели. Его судьба имеет смысл; его союзники разделяют его цели; его священная миссия превращает мир из хаотичного вихря событий в структуру, основанную на повторении, связности и смысле. Готовься. Расследуй. Наблюдай. Спасай. Борись. Истекай кровью. Повтори с самого начала. Столкнувшись с главными вопросами (зачем мы здесь? В чем смысл всего этого?), Бэтмен находит ясный и вездесущий ответ, который сформулирован в легендарном «Возвращении Темного рыцаря» Фрэнка Миллера. Во второй главе гораздо более взрослый Бэтмен после битвы с врагом, который был скорее монстром, чем человеком, возвращается в пещеру, избитый почти до смерти. Было бы легко сдаться прямо здесь и сейчас под тяжестью старости и десятилетий травм. Но одна из летучих мышей, что обитают в бесконечной пещере, пищит, пролетая над ним, напоминая о той, что вдохновила его на миссию. Искалеченный и окровавленный, герой улыбается. Ответ снова ясен.

Характер героя может объяснить характер его заклятого врага. Например, Супермен, воплощение великодушия и альтруизма, сражается с Лексом Лютором, человеком, который живет только ради себя и своих нарциссических фантазий. Бэтмен, герой по определению, сталкивается не со злым или жадным злодеем: он сталкивается с хаосом. Джокер убивает не ради денег, и, похоже, у него нет никаких амбиций. У него нет имени, нет жизни за пределами убийств и разрушений, а его прошлое уместается на нескольких страницах, которые Алан Мур посвятил ему в «Убийственной шутке», послужившей основой для истории Джокера в фильме 2019 года. Джокер на деле не личность: он – чистое событие, непредсказуемое и жестокое, как сама природа, сила, которая врывается во все системы, наделенные смыслом – от священной миссии Бэтмена до повседневной жизни людей, встречающихся на его пути, – чтобы превратить их в руины.

Беспредельный

Джокер – это нечто более глубокое и угрожающее, более первобытное, нежели простой злодей. В фильме «Темный рыцарь» (2008) он сам себя называет «носителем хаоса». Он анархичен и непостоянен даже с точки зрения авторов, пишущих о нем. Как отмечал в соцсетях Том Кинг, автор одного из самых длинных и знаменитых ранов в комиксах⁹⁹ XXI века: «Сегодня я пишу „Джокера“. Я контролирую все, что он говорит и делает, и чувствую все еще пугает меня»¹⁰⁰. Может быть, Кинг знал, что не полностью контролирует ситуацию? Чтобы успешно изобразить Джокера, не нужно пытаться объяснить глубинные мотивы, которые заставляют Джокера поступать так, как он поступает. Не получится создать непротиворечивую картину.

Можно сказать, что природа Джокера не психологическая, а метафизическая. Он не просто психопат или монстр. Эти аспекты, безусловно, присутствуют, но это не все, что в нем есть. Самое важное, что Джокер олицетворяет безумие, хаос, беспорядок и бессмысленность. Он провоцирует леденящее душу подозрение, что все, что мы строим, рухнет, что все объяснения будут исчерпаны, что все, что мы пытаемся рационализировать, будет отдаляться на два шага каждый раз, когда мы сделаем один, что каждая разгаданная тайна открывает новый горизонт, полный неизвестного, недоступного, неясного.

⁹⁹ Ран (run, дословно «пробег») – период работы автора или коллектива авторов (сценарист и художник) над конкретной серией и/или персонажем. Том Кинг работал над основной серией Batman с 2016 по 2019 гг., написав порядка 80 номеров, что по совокупности выпусков действительно делает его ран одним из самых длинных в комиксах про Бэтмена (по крайней мере, в нынешнем веке). – *Прим. ред.*

¹⁰⁰ <https://twitter.com/TomKingTK/status/954064163202093056>.

Образ Джокера, особенно тот, что был создан Грантом Моррисоном, вызывает этот страх как никто другой. На страницах «Лечебницы Аркхем» мы ясно видим его неопределенную натуру: он может быть жестоким, но при этом по-странному милосердным, спасая жизнь женщины, чтобы остроумно пошутить над Бэтменом. Он может быть непредсказуемым, но справедливым, позволяя Бэтмену покинуть клинику живым после того, как это решает подброшенная Двумиким монетка. Джокера невозможно отнести к какой-либо категории, он ускользает от концептуализации, описания и интерпретации. Как сказали бы греки, он – апейрон (ὁ ἀπείρων), беспредельный.

В своих мотивах, действиях и рассуждениях Джокер являет собой апейрон. Этот термин пришел из греческого языка: приставка а- указывает на отсутствие, а слово *peras* означает предел: все вместе складывается в то, что не определено пределами. Несмотря на плохую репутацию ограничений в современном обществе перформанса (слоганы побуждают нас выходить за пределы своих возможностей, преодолевать их, не позволять им останавливать или замедлять нас), они определяют, кто мы есть: красные линии нашей морали, контуры нашей идентичности, культуру, в которой мы выросли. Мы испытываем беспокойство, когда эти границы испытываются на прочность или разрушаются, когда нас влечет к чему-то, что мы считали отталкивающим, или когда мы действуем вопреки основам нашей идентичности. Мы реагируем так, потому что эти ограничения важны для нас; в каком-то смысле они и есть мы. Но Джокер – это всего лишь прозвище; он забыл имя, которое ему дали при рождении. Его личность меняется в зависимости от характера и архетипов, как показано в комиксе Джеффа Джонса «Бэтмен: Три Джокера». В то время как большинство из нас ограничены рамками и некоторые из них неизбежно будут повреждены или разрушены, Джокер ими не ограничен. Даже когда кажется, что он проявляет определенную черту характера, это приводит лишь к новому пространству неопределенного. В «Лечебнице Аркхем», как было упомянуто, он спасает жизнь, потому что считает это более забавным, чем убийство. Значит ли это, что мы можем быть уверены, что Джокер будет действовать в соответствии со своим чувством юмора, и это позволит нам предугадывать его действия? Нет, потому что неясно, что он считает забавным, а что нет. Разумеется, он не связан никакими моральными принципами, его нельзя подкупить или убедить.

Философский камень

На страницах «Бэтмена и Робина» Моррисона Дэмиен Уэйн, сын Бэтмена и хранитель мантии Робина, предстает перед Принцем-клоуном преступного мира в комнате для допросов. «Ты говоришь, что ты – сила хаоса и ничего не планируешь. Все само происходит. Но я читал твои досье, и все это – план», – говорит он Джокеру. Дамиен – еще ребенок, но его воспитывали как эффективную машину для охоты. Как и его отец, он – превосходный детектив: ищет улики, сочиняет сценарии, разгадывает. Для такого, как Дамиен, Джокер – абсолютная загадка. Почему он делает то, что делает? Он действует, когда что-то становится смешным или перестает быть таковым? Полицейские, криминалисты, психиатры, телепаты и лучший детектив в мире – все они предстали перед Джокером, но никто из них не смог разгадать загадку, которую он представляет. Каждый раз, когда кто-то из этих людей пытался пролить свет на эту тьму, разгадка снова ускользала. Так что, конечно же, Дамиен, будучи бескомпромиссным и хладнокровным детективом, выдвигает смелую, но обнадеживающую гипотезу: Джокер не сумасшедший. В глубине души он скрывает план. Он знает, что делает. Эта якобы неприступная негативность – всего лишь маскарад. Хаос – это видимость, уловка, ложь. Есть структура. Есть смысл... Но Дамиен ошибается.

Мы не будем раскрывать концовку истории, но достаточно сказать, что Дамиен понимает, что, возможно, он зашел слишком далеко в своих предположениях. Мальчик придерживается этой точки зрения: для него непостижимое безумие Джокера – не более чем препят-

ствие, задача, которую нужно решить. Как только проблема будет решена, у него появятся инструменты для разгадки еще более сложных и запутанных загадок. Он воспринимает препятствие как ступеньку к более глубокому пониманию... И он близок к тому, чтобы заплатить за это очень высокую цену.

Можно сказать, что Дамиен действует по-кантиански. Иммануил Кант (1724–1804) в своей «Критике чистого разума» утверждал, что познание происходит в суждениях, то есть в утверждениях, правильно построенных на основе связывания понятий. Мы сталкиваемся с потоком трансформаций и изменений изо дня в день и упорядочиваем весь этот опыт – даже не осознавая этого! – в концептуальные рамки. Кант выражает это в «Критике чистого разума» синтетически: мысли без содержания пусты (поскольку они не относятся ни к чему конкретному), но интуиция без понятий слепа (то, что мы воспринимаем, не дает нам знания, если мы не организуем это содержание в концептуальные рамки). Но что происходит, когда весь этот концептуальный аппарат дает сбой и поступающая из органов чувств информация доходит беспорядочно, неорганизованно и не может быть правильно собрана в понятие? В «Опыте о болезнях головы» Кант попытался объяснить различные патологии. Для Канта безумие было не чем иным, как расстройством восприятия и концептуализации опыта. Например, при галлюцинации происходит инверсия понятий об опыте и концепциях, при бреде – нарушение нашей способности оценивать даже правильные переживания, а при мании – неорганизованное использование разума, при котором разум пытается (и терпит неудачу) выносить тонкие суждения об общих или универсальных концепциях. Чтобы привести пример, скажем, бреда, подумайте о человеке, которого вы любите больше всего. Вы знаете, что, даже если он изменит прическу или одежду, он все равно останется тем же человеком. Это очевидно! Даже если стимулы, воздействующие на ваши органы чувств, меняются, вы знаете, что личность остается прежней. Но что, если это не так, что, если однажды ваш внутренний голос, который вы не сможете заглушить, скажет, что этот набор стимулов – запахи, черты, текстуры – больше не принадлежит тому человеку и на самом деле не является чем-то определенным? Для Канта множество восприятий, из которых складывается образ любимого нами человека, группируются в рамках понятия. Но что, если это понятие исказится? Что, если оно полностью исчезнет? Что тогда останется?

В одной из историй Гранта Моррисона про Лигу Справедливости (выпуск JLA № 15, опубликованный в феврале 1998 г.) Джокер держит в руках Философский камень, предмет, который позволяет изменять реальность по прихоти того, кто его держит. Герои Лиги Справедливости намереваются выхватить его, но для этого им нужно отвлечь Джокера. Марсианский Охотник, величайший телепат во вселенной, придумывает план: проникнуть в разум Джокера и, используя свои способности, упорядочить получаемую им информацию, чтобы дать ему возможность на мгновение обрести здравомыслие. Таким образом, Марсианский Охотник выступает в роли психотерапевта-кантианца, который позволяет Джокеру распределять поток сбивающей с толку информации, которая образует его реальность, по концептуальным ящичкам. Он придает ей смысл, структуру. И ему это удастся... с трудом. Марсианский Охотник стоит от усилий, пытаясь разобраться в хаотичном реве разума Джокера. Через мгновение герой падает без сил; к счастью для Лиги Справедливости, когда в твоих рядах есть Флэш, лишь мгновение и требуется.

Величайшая и древнейшая шутка

Можно предположить, что именно наш страх перед неопределенностью имел в виду Ницше, когда говорил, что «если ты долго смотришь в бездну, то бездна тоже смотрит в

тебя»¹⁰¹. Немецкое слово, которое переводится как «бездна», – это *Abgrund*, то есть «отсутствие основания» (*Grund*). Но «*Grund*» также означает «причину»: таким образом, бездна – это еще и ее отсутствие, во всех смыслах потеря надежной опоры. Когда смотришь в глаза этой пустоте, где нет ни уверенности, ни смысла, ни надежных точек опоры, бездна обращает взгляд наблюдателя обратно, словно бросая ему вызов. «Что ты собираешься делать теперь? – словно спрашивает тьма. – Будешь ли ты отступать, сетуя на отсутствие уверенности? Будешь ли ты стенать из-за отсутствия смысла?»

Но, возможно, нам следует бояться вовсе не ужаса перед бездной и неопределенностью. В книге *Nihil Unbound* Рэй Брассье утверждает, что нигилизм, понимаемый как отсутствие смысла, в действительности заключается в тезисе о мире как рационально (то есть математически) упорядоченной системе, полностью лишенной смысла¹⁰². По мнению Брассье, философские концепции, которые делают акцент на неопределенности, сохраняя неизвестность и тайну, оставляют лазейку для трансцендентного, для мифа и для надежды на неизвестное. Истинный нигилизм заключается не в неопределенности, а в мрачной уверенности в холодной, полностью определенной Вселенной, состоящей только из материи и физических законов, которая неумолимо движется к упадку и исчезновению.

Для тех, кто верит в разум, смысл и определенность, Джокер Гранта Моррисона воплощает страх перед неопределенностью, эту боль, вызванную обоюдоострым мечом. С одной стороны, он напоминает нам, что мир нельзя полностью понять и предсказать и что все усилия обречены с самого начала; с другой стороны, он нацелен на наше сознание, потому что, возможно, та неопределенность, которую мы так сильно хотим изгнать, находится не только вокруг, но и внутри нас. Может быть, наши попытки упорядочить жизнь и самих себя столь же обречены; может быть, намерение сделать мир осмысленным обречено с самого начала, с попыток превратить нашу психику в целостное, структурированное, концептуализированное «я». Джокер направляет на нас этот меч и смеется, потому что его раздробленный разум – это калейдоскоп, который воспроизводит величайшую и древнейшую шутку – о неудачной попытке сделать мир осмысленным.

¹⁰¹ Ницше Ф. По ту сторону добра и зла // Полное собрание сочинений в тринадцати томах. Пятый том: По ту сторону добра и зла, К генеалогии морали, Случай «Вагнер» М., 2012. С. 91.

¹⁰² Ray Brassier, *Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction* (London: Palgrave, 2007).

Часть II. «Я – носитель хаоса»: хороший, плохой, безумный

Глава 5

*Добрый и злой: два Джокера в колоде карт Платона.
Джеймс Лоулер*

В фильме «Джокер» (2019) у Артура Флека было тяжелое детство, полное нищеты и насилия. Он пытался найти утешение, рассказывая анекдоты. Какого рода? «Кnock, knock». «Who's there?» «Tank». «Tank who?» «You're welcome». Что здесь происходит? Значение слова «tank» искажается, переворачивается, отрицается. Мозг, в котором слово «tank» провоцирует тяжелые мысли, находит успокоение. И это приносит облегчение, потому что нас угнетают серьезные размышления, тяжелые мысли. Смех – это выражение свободы от груза, что давит на наш разум. Мы смеемся несмотря ни на что и хотя бы на мгновение осознаем, что жизнь действительно хороша.

Что занимает наши мысли практически каждый день? Возможно, мы думаем, что другие люди живут хорошей жизнью, много веселятся и смеются, в то время как мы день за днем уныло пытаемся свести концы с концами и не видим свет в конце тоннеля. Пытаясь заработать на жизнь в качестве клоуна, Артур был избит детьми, которые поначалу просто веселились. В метро на него напали парни с Уолл-стрит и избили его только за то, что он смеялся. Так рождается новая форма юмора. «Тук-тук», – говорит Артур ведущему вечерней юмористической передачи Мюррею Франклину. «Кто там?» – неохотно отзывается Мюррей. «Это полиция, мэм. Вашего сына сбил пьяный водитель, и он умер!»

В чем заключается шутка? Она состоит в том, что на самом деле нет ни добра, ни света в конце тоннеля. Есть только бесконечное зло. Так почему бы не выбрать его вместо этой ложной цели, этой натянутой улыбки, которую мы должны изображать? Это было бы действительно забавно! Почему люди так заикливаются на добрых делах, на соблюдении закона и поддержании порядка, когда то, что казалось истинной ценностью в жизни, на самом деле играет против них? Печально, что юмор стал способом убедить нас в том, что в злом мире есть что-то хорошее. Как говорит Мюррею Артур, ставший Джокером: «Комедия субъективна, Мюррей, ведь так все говорят? Вы все – система, которая так много знает: вы решаете, что хорошо, а что плохо. Точно так же вы решаете, что смешно, а что – нет». Тогда шутка в том, что мы этого не понимаем. И поэтому мы должны выбрать то, что называется «злом». Как только мы осознаем, что происходит на самом деле, весь этот вымышленный мир, в котором добро должно быть нашей целью, становится смешным до колик.

«Все, что у меня есть, – это негативные мысли», – говорит Артур своему психологу. Он пытается избавиться от этих мыслей, рассказывая анекдоты и помогая другим находить радость в его выходках. В ветхом здании с мерцающим светом и дребезжащим лифтом на одном этаже с Артуром живет Софи, привлекательная бедная мать-одиночка с маленьким ребенком. Она изображает, будто стреляет в себя. Артур подхватывает шутку, повторяя ее жест, и она смеется. Артур показывает фокус, чтобы развеселить хмурого мальчика, сидящего перед ним в автобусе. Вскоре мальчик улыбается, глядя на клоунаду Артура. Но мать мальчика, как и все остальные, похоже, не одобряет поступки Артура.

Во время своей неуклюжей борьбы с негативными мыслями Артур говорит своему психологу, что не чувствует, что он на самом деле существует. Только когда другие начинают его замечать, он наконец-то чувствует, что живет. Но что они видят? Они не видят его отчаяния. Они видят его клоунский грим. Они думают, что это смешно, когда он убивает этих счастливых, якобы хороших людей, которые смеются всю дорогу до банка. Есть только зло, говорит он им, и именно оно забавно. Приятно это знать. «Я думал, что моя жизнь – это трагедия. Теперь я понимаю: это гребаная комедия». Понимая черный юмор всего сущего, его армия клоунов разрушает темный город, делая тьму еще темнее. Они перестают искать добро, свет в конце тоннеля. Эта идея и была настоящей шуткой.

Пещеры и возницы, материя и Идея

Из этого краткого обзора основных идей «Джокера» мы видим, что это история о том, как один человек, Артур Флек, потерпел неудачу в своей попытке прожить хорошую жизнь в трудных обстоятельствах и помочь другим сделать то же самое. Вместо того чтобы продолжать нести добро, свет и смех в свою жизнь и в жизнь других людей, он обращается ко тьме. Он приходит к мысли, что карты, которые выпали ему в жизни, играют против него. В этой драме мы можем увидеть очертания философского замысла древней истории, рассказанной Платоном (427–347 гг. до н. э.). В «Государстве» (514а) Платон говорит, что для большинства людей жизнь подобна пребыванию в темной пещере, где на стене мелькают тени. Фигуры, отбрасывающие тень, проносятся перед костром, горящим позади наблюдателей. Никто, кроме

одного человека, никогда не оборачивался, чтобы посмотреть, что происходит на самом деле, потому что от взгляда на свет у людей болели глаза. В образе фигур, чьи искаженные образы мерцают на стене пещеры, находятся изначальные Идеи – те, что существуют в солнечном свете истинной реальности. В учении Платона Идеи можно назвать основополагающими картами из колоды ценностей, которые наполняют жизнь смыслом. Есть два джокера, или главные карты, направляющие эти смыслы в противоположные стороны. Есть Добро, к которому в конечном счете ведут смыслы, – это тот самый свет в конце тоннеля. И есть Зло, тьма тоннеля или пещеры, существующее само по себе.

В «Федре» (246 а – d) Платон приводит еще одну аналогию для описания этой двойственности. Человек управляет колесницей, запряженной двумя лошадьми, одна из которых тянет вверх, а другая – вниз. Вознице, то есть человеку, нужно направить колесницу в нужную сторону. На одном полюсе находится Благо, идеал, существующий за пределами тьмы нашего материального мира, но все же смутно сияющий в нем. На другом полюсе, полюсе Зла, находится непроницаемая тьма материи, бесформенная субстанция вещей. Зло – это когда выбирают двигаться вниз, в эту тьму.

Прав ли Платон на этот счет? Или все эти разговоры о добре и зле бессмысленны, и Джокер, который приходит к выводу о том, что это просто кошмарная шутка, прав? Платон предлагает метафизическую основу для понимания структуры реальности, лежащей в основе дихотомии Добра и Зла. Платон утверждает, что все, что мы видим вокруг себя, состоит из двух основных компонентов: Идеи, делающей предмет тем, чем он является, и материи – в конечном счете непостижимой субстанции, груза, который мы носим с собой и который тянет нас вниз. Идея придает форму, определение и направление изначальной бесформенной материи, которая тянет в противоположном направлении – к бессмысленному хаосу.

Номинализм и релятивизм

Это различие между Идеей и материей разрешает противоречие, скрытое в нашем обычном способе мыслить. Платоновский аргумент в пользу радикального различия между ними был его решением проблемы релятивизма. Предположим, что справа мы видим высокий платан с большими зелеными листьями. Слева – сосна, тоже покрытая зеленью. Листья у нее колючие. Это два разных индивидуальных существа, но у них также много общего. Они оба – деревья, у них обоих есть листья, и все их листья зеленые. Когда мы говорим, что «это дерево» и «то дерево» – деревья, мы имеем в виду, что две разные сущности относятся к одному и тому же общему типу вещей. Оба они – деревья. У них зеленые листья. Таким образом, мы говорим, что две разные сущности в определенных отношениях одинаковы. Разве это не противоречие? Логика говорит нам, что они либо одинаковы, либо различны. Мы не можем решить эту проблему, сказав, что они одинаковы в одном отношении, но различны в другом. Нет границы, разделяющей вещи на две части, в одну из которых помещается все похожее, а в другую – различное.

Один из способов разрешить это очевидное противоречие – сказать, что на самом деле это не одно и то же. Философы называют эту общую идею «номинализмом». Формально мы должны говорить не о том, что они оба – деревья, а о том, что они оба «похожи на деревья» или «напоминают деревья». Они схожи, но не одинаковы. «Дерево» – это просто слово для обозначения этого сходства. На самом деле не существует объекта, соответствующего этому слову. Или, как говорит Джокер Мюррею, все это на самом деле субъективно. Однако Платон утверждает, что разные деревья причастны к одной и той же высшей Идее Древа, и именно поэтому можно сказать, что разные вещи на самом деле одинаковы. Эти Идеи принимают форму разных материй, и поэтому эти деревья – два разных существа. Но их источник, их истинная сущность – одна и та же Идея.

Номинализм рассматривает реальность как нечто, состоящее из отдельных вещей, которые мы объединяем в группы для наших субъективных практических целей; при этом слова не имеют объективного значения. Таким образом, номинализм поддерживает релятивизм, согласно которому значения, приписываемые нами окружающему миру, зависят от нашей точки зрения, наших интересов и опыта. Я говорю, что это «прекрасно», но для вас это не «прекрасно». «Красота» – это просто слово, которое мы используем, однако у него нет объекта, независимого от нас, нет Идеи Красоты, как считал Платон. Мы приходим к выводу, что «красота в глазах смотрящего». Но если бы такой релятивизм был верен для всех абстрактных понятий, то не было бы ни объективного добра, ни настоящего зла. Все бы зависело от взглядов и желаний каждого человека. Говоря иначе (как сказал бы Мюррей Франклин): все это субъективно.

Во времена Платона Протагор (490–420 гг. до н. э.) сформулировал релятивистскую точку зрения, сказав, что «человек есть мера всех вещей». Все зависит от точки зрения человека, поэтому на самом деле не существует объективного добра или зла. Когда некто избивает и грабит тебя, это хорошо для него, но плохо для тебя. Наше общество, возможно, не скажет, что это хорошо, но в разных обществах добром или злом считаются разные вещи. Завоевание страны плохо для ее жителей, но хорошо для завоевателей. В таком случае добро и зло – это просто то, что «система, которая так много знает» считает правильным или неправильным, смешным или нет, как Джокер говорит Мюррею.

Идея и материя, изображения и тени

Платон утверждает, что вещи состоят из Идеи и материи. «Идея зеленого» одинакова для двух деревьев, но она заключена в различную материальную субстанцию, поэтому она по-разному проявляется в этих объектах. Точно так же наши тела воспринимают мир с разных материальных точек зрения, поэтому чувственное восприятие людей отличается. Релятивист может спросить: если все, что мы видим, – это материализованные и индивидуализированные Идеи, как мы можем утверждать, что Идеи этих, по общему признанию, разных вещей действительно одинаковы?

Платон отвечает, что для понимания природы вещей нам нужно не только воспринимать, но и мыслить. Когда мы достаточно глубоко задумываемся, мы понимаем, что Идеи вещей, которые мы воспринимаем непосредственно, являются образами истинной реальности. Они – тени этой реальности. Реальность, истинные карты, из которых складывается наша жизнь, – это нематериальные Идеи, существующие независимо от материального мира и отражающиеся в нем в материализованных формах, которые мы воспринимаем. Одно зеленое нечто немного отличается от другого из-за разной материи, в которую помещены зеленые формы. Но эти разные формы являются отражениями, или образами, или тенями одной и той же Идеи зеленого. Зная это, можно сказать, что два разных внешне зеленоватых предмета на самом деле одинаковы, потому что это разные способы материализации одной и той же нематериальной Идеи Зеленого.

Назвать эти объекты нашего восприятия образами или тенями – значит сказать, что то, что мы видим, связано с тем, что действительно реально. Ребенок видит отражение солнца в озере и думает, что это отражение – прекрасная реальность. Люди в пещере смотрят на тени или образы реальности, поэтому они не совсем ошибаются. Нам нужно лишь признать, что образы действительно являются образами, что тени действительно являются тенями, и тогда, обладая этим пониманием, мы сможем проследить, как наше восприятие этих образов связано с их источником. Это похоже на разницу между общением с кем-то онлайн и личной встречей. Понимая эту разницу между образом, виртуальным миром и исходной моделью, которая является реальностью, мы усилим реальность, красоту и благодать нашей жизни.

Каждый из нас, в конечном счете, стремится к Благу, которое по-разному отражается в окружающем нас мире и в наших желаниях. То, что хорошо для меня, отличается от того, что хорошо для вас, потому что мы – разные материальные сущности, стремящиеся к одному и тому же Благу в разных телах и в разных материальных обстоятельствах, а значит, мы делаем это по-разному. Однако Благо, к которому мы стремимся, Благо, которое выступает источником желаемых нами благ, одинаково для каждого из нас. Вам нравится шоколад, потому что шоколад полезен для вашего организма. Мне нравится ваниль, потому что ваниль полезна для моего организма. В этом нет ничего относительного или чисто субъективного. Идея Добра одинакова для каждого из нас, только реализуется по-разному из-за различий в материи, образующей наши тела.

Мы все люди, но во многом отличаемся друг от друга. Это различие – не повод для релятивизма или номинализма, потому что в нас есть что-то общее. Мы разные люди, но причастны к одной и той же Идее Человека. Вот почему наша человечность – это не только то, чем мы формально являемся или обладаем. Это также Идеал, который мы стремимся осуществить в своей жизни. Поэтому у нас есть выбор. Наша Человечность – это не просто определенная комбинация атомов или генов, и мы не просто разумные животные; это Идеал, к которому мы стремимся. То, что хорошо для меня, может отличаться от того, что хорошо для вас, потому что у нас разные тела, но мы оба стремимся к тому, что хорошо для нас как для существ с телами, и это благо является объективным Благом. Поэтому мы стремимся к реализации одного и того же истинного Блага, одной настоящей Человечности, но в разных проявлениях.

Сила темной стороны

Или, по крайней мере, именно это мы должны делать. Но мы также можем выбрать противоположную сторону. Мы можем направить наши колесницы как вверх, так и вниз. Артур Флек, становясь Джокером, в конце концов решает направить свою вниз. Переломный момент в жизни Артура наступает, когда он убивает трех парней с Уолл-стрит, которые издевались над ним в метро. Убивая их, он ощущает силу, которая овладевает им, силу, как сказал бы Платон, чистой бесформенной, темной материи. Раздетый, без рубашки, наслаждаясь своим художественным телом, он смакует пролитую им кровь, танцуя в сырой ванной под мрачную музыку, которую он теперь чувствует. Когда он возвращается домой, мы видим, как он стучит в дверь Софи, и, когда она открывает, вся его застенчивость и отвращение к самому себе исчезают, он целует ее, и она отвечает ему взаимностью. Как мы в конце концов узнаем, это лишь образ, созданный его затуманенным разумом в порыве бегства от реальности, от которой он отказывается.

Материя, эта непостижимая субстанция тела, придающая ему вес, сама по себе является силой, бесформенной и безликой. Она стремится освободиться от всех форм и очертаний, навязанных ей. В диалоге Платона «Политик» (273d) юный Сократ слышит историю о том, как мир переживает периоды, в которые Боги напрямую управляют им с помощью своего высшего разума, и периоды, в которые материя выходит на первый план как бесформенный, бесструктурный хаос, затягивающий все в свою вязкую зернистую пучину. В такие безбожные периоды, когда мир катится по наклонной, когда хаос материи возрождается, человеческий разум должен подражать разуму богов и учиться сдерживать и отражать нисходящую силу материи с помощью высших мыслей, которые направляют нас в стремлении поддерживать порядок и усиливать разумность нашего мира. Необходимо придать материи Идею, а не поддаваться ее хаосу.

Идеи – это не слабые вымыслы, что предполагается, когда мы называем Платона «идеалистом». Платон – философ непостижимой, гнетущей материи, а также возвышенных, нематериальных Идей. Они – противодействующая сила, заключающая эту огромную, тянущую вниз силу материи в управляемые рамки, тем самым позволяя нам использовать ее для более воз-

вышних целей. Для Платона существуют не только совершенные Идеи. Есть также материя – противодействующая сила, которая определяет направление вниз, куда поворачивает возникший, позволяя материи победить.

Зло заключается в том, чтобы поддаться притяжению материи, устремиться вниз. Но материя сама по себе не является злом. Без силы притяжения материи, которой мы сопротивляемся и направляем ее в нужное русло, мы бы никогда не развили наши мышцы и не укрепили наш скелет. Опираясь на понятия современной физики, когда структуры, удерживающие материю атомов, разрушаются, как это происходит при ядерном делении, высвобождается разрушительная сила, способная уничтожить целый город. Однако если высвободить эту силу материи аккуратно, ее можно использовать для освещения сотен улиц.

Такова жизнь

Согласно музыкальной теме шоу Мюррея Франклина, песне Фрэнка Синатры «That's Life»: «как бы забавно это ни звучало, / некоторые люди получают удовольствие, / топчась мечту. / Но я не позволяю этому, не позволяю этому меня сломить, / потому что этот прекрасный старый мир продолжает вращаться». Нет высшей цели, есть только вращающийся мир. Джокер учится танцевать в бессмысленности такого бесцельного существования.

Томас Уэйн утверждает, что людей обманывают, но, если его выберут мэром Готэм-Сити, он это исправит. Говоря о протестующих, которые используют в качестве символа маску Джокера, Уэйн заявляет: «Я должен сказать, с этими людьми что-то не так. Я хочу помочь им: я вытащу их из бедности, сделаю их жизнь лучше. Поэтому я баллотируюсь. Они не понимают, что я – их единственная надежда».

Мать Артура, Пенни Флек, думает, что Уэйн – ее единственная надежда, и пишет ему о финансовых проблемах, которые возникли у нее и «вашего сына». Когда Артур, вопреки ее желанию, читает письмо, он отправляется в особняк Уэйнов, чтобы найти человека, которого теперь считает своим отцом. Но сперва он видит другого грустного мальчика, которого нужно подбодрить. «Это мой брат», – думает он, когда ему удастся заставить мальчика улыбнуться. Мы думаем, что, возможно, таким образом Артур вернется на путь, который делает жизни ярче. Однако дворецкий Уэйнов, Альфред, зная об опасностях, подстерегающих семью, разрушает зарождающуюся связь – на этот раз между давно разлученными братьями.

Томас Уэйн говорит Артуру, что мать лгала ему, что у них не было сексуальных или романтических отношений, что Пенни усыновила Артура, когда работала у него; потом ее поместили в лечебницу Аркхем, потому что она была «сумасшедшей». Артур получает очевидное подтверждение этого заявления из больницы, а затем хладнокровно душил свою мать. Но после этого ужасного убийства человека, которого, как он утверждал, он любил, Артур находит старую фотографию своей матери, где она изображена привлекательной молодой женщиной. На обратной стороне есть надпись: «Мне нравится твоя улыбка. Т. У.». Слишком поздно Артур узнает, что Т. У., Томас Уэйн, развернул «систему, которая так много знает» в свою пользу.

Теперь ему уже не вернуться. Все значимые формы были уничтожены. Артура больше не существует. Джокер убивает Мюррея Франклина в прайм-тайм в качестве кульминации финальной шутки: «Что ты получишь, если смешаешь психически-больного одиночку с обществом, которое игнорирует его и обращается с ним как с мусором? Я скажу, что ты получишь! Ты получишь то, что заслужил!!!» Джокер выходит на улицы Готэма под неистовые крики жаждущей крови толпы.

В заключение Джокер смеется во время сеанса со своим новым психологом из Аркхема. «Что смешного?» – спрашивает она. «Вы не поймете», – отвечает он. Однако мы, зрители, понимаем шутку. Джокер думает о Брюсе, который теперь, как и он, осиротел и стоит рядом с телами своих родителей. Они стали жертвами всплеска насилия, вызванного убийством, кото-

рое Джокер совершил в прямом эфире. В финальной сцене фильма Джокер, выходя из кабинета своего врача, оставляет кровавый след из отпечатков ног.

Мы, зрители, знаем, что Джокер действительно брат Бэтмена. Зная предысторию происхождения Джокера, мы понимаем скрытую в саге о Бэтмене философскую драму. Добро и Зло – это козыри в колоде жизни, которые идут вместе, но тянут в противоположные стороны. Брюс Уэйн не идет по стопам своего отца и не стремится стать мэром Готэм-Сити, чтобы снисходительно помогать невежественным и бедным. Вместо этого он хочет вдохновить угнетенный народ символом надежды, тенью Блага – Бэт-сигналом, который появляется в ночном небе. Во тьме мира, катящегося вниз, казалось бы, отданного во власть необузданной материи, Бэт-сигнал говорит нам о том, что грядет Добро и что Зло может быть побеждено. Бэт-сигнал – это символ надежды на то, что мир однажды вернется к царству Добра.

Почему летучая мышь? Как и Бэтмен, она видит свет в темноте пещеры.

Глава 6

Радикальное или дьявольское зло и Джокер «Темного рыцаря»¹⁰³.
Джордж А. Данн

¹⁰³ Частично заимствовано из The Devil and Philosophy, ed. Robert Arp, Open Court, 2014.

В Джокере из фильма Кристофера Нолана «Темный рыцарь» (2008) есть что-то загадочное, начиная с того, что он будто таинственным образом появился из ниоткуда. Как замечает Джим Гордон, у него не только нет криминального прошлого, но и никаких следов его прежнего существования: «Ничего. Ни совпадения отпечатков, ДНК, зубов. Одежда обычная, без ярлыков, в карманах ничего, кроме ножей. Ни имени, ни других кличек».

Добавьте к этому его противоречивые рассказы о том, как он получил свои шрамы: то их нанес его отец-садист, то он сам в тщетной попытке вызвать улыбку на лице своей жены.

Он меняет свою историю в угоду публике, словно вместо настоящего прошлого у него есть лишь различные вымышленные биографии, придуманные на ходу, чтобы удовлетворить сиюминутные потребности. Без прошлого он кажется нам не столько человеком, сколько какой-то дьявольской силой, олицетворением «носителя хаоса», как он себя называет, призванным напрямую из преисподней.

Самое дьявольское в Джокере – не смутное происхождение, а загадочность его мотивов. Дело не только в том, что его преступления хуже, а методы более извращенные, чем у многих других злодеев Готэма. От заурядного преступника его отличает отсутствие каких-либо мотивов, кроме желания творить зло ради зла. В то время как другие обитатели преступного мира Готэма действуют из жадности или мести, аморальных, но в целом вполне понятных побуждений, злодеяния Джокера совершенно беспричинны, он питается удовольствием от сеяния хаоса и причинения страданий, демонстрируя свое пренебрежение последствиями преступления, обливая миллиарды долларов бензином и поджигая их, – его цель – чистый хаос, не запятанный низменными корыстными мотивами. Нам не рассказывают, как он стал таким, но его выдуманные истории высмеивают идею о том, что его злоба – результат плохого воспитания или детской травмы. Он похож на мильтоновского Сатану, который заявляет: «Отныне, Зло, моим ты благом стань»¹⁰⁴, а затем посвящает себя единственной цели, отказываясь от любой награды, кроме радости наблюдать, как мир (и пачки денег) сгорает в огне.

Чего он хочет

Джокер угрожал убивать кого-нибудь каждый день, пока Бэтмен не снимет маску. Он уже убил подражателя Бэтмена, судью и комиссара полиции. Тем временем Брюс Уэйн уверен, что его обширные познания в области психологии преступников позволят ему разгадать мотив, который стоит за убийствами, и это станет первым шагом к поимке Джокера. «Преступники – люди не сложные, – уверяет Уэйн своего слугу и доверенное лицо Альфреда Пенниурта. – Нужно лишь выяснить, чего он хочет».

Предположение Уэйна вполне разумно. Преступное поведение, как и большинство других форм человеческих реакций, направлено на достижение цели. Если вы хотите понять, почему кто-то что-то делает, сначала выясните, чего он пытается достичь. Там вы и найдете мотив. Преступники отличаются от всех нас главным образом тем, что готовы использовать определенные средства, которые обычным людям отвратительны, – такие как насилие, запугивание и обман, – но цели, которых они добиваются, по большей части ничем не отличаются от целей большинства законопослушных граждан. Любители приличий идут по прямой и узкой дороге, в то время как другие срезают путь, совершая преступления; но все мы хотим примерно одного и того же: богатства, влияния и статуса, а также сопутствующих им удовольствий. Как сказал печально известный грабитель банков Вилли Саттон, когда у кого-то хватило глупости спросить его, почему он грабит банки: «Потому что деньги лежат именно там». Саттон и Брюс Уэйн могут быть по разные стороны закона, но они согласны в одном: преступные мотивы лучше всего понимать в «инструментальном» смысле, как нечестные способы получения того, что мы все считаем желанным. Даже если преступник действует из желания отомстить, это все равно мотив, который большинство из нас может понять, даже если сами мы не стали бы действовать подобным образом.

Короче говоря, преступник отличается от остальных не столько тем, чего он желает, сколько тем, на что он готов пойти, чтобы это получить. Он не ограничен моральными правилами, которым большинство из нас считает своим долгом следовать. Но давайте будем честны: все мы время от времени нарушаем правила. Преступник – это просто тот, кто делает это чуть

¹⁰⁴ Перевод А. Штейнберга.

более регулярно и заметно. Как и намеревался доказать Джокер, нарушители закона и законопослушные граждане находятся в разных точках одного и того же континуума и используют разные средства для удовлетворения схожих желаний.

Однако Альфред подозревает, что Джокер может быть преступником другой породы, действия которого, быть может, нельзя объяснить «инструментально». Он вспоминает встречу с преступником в Бирме, который, как и Джокер, был необъяснимо равнодушен к плодам своего преступления:

«При всем уважении, мистер Уэйн, вы тоже не до конца знаете его возможностей. Много лет назад я был в Бирме. Мы с друзьями работали на местное правительство. Оно пыталось купить преданность вождей разных племен при помощи драгоценных камней. Но на их караван напал в лесу к северу от Рангуна какой-то бандит. И мы отправились искать камни. За полгода поисков мы не нашли никого, кто бы торговал ими. Однажды я увидел в руках у ребенка рубин размером с мандарин. Этот бандит просто выбрасывал камни».

«Тогда зачем красть?» – спрашивает Уэйн озадаченно.

«Потому что он получал от этого удовольствие, – отвечает Альфред. – Просто есть типы, которые действуют вне всякой логики. Их не подкупить, не запугать, не договориться и не прийти к компромиссу. Эти люди мечтают видеть мир в огне». Злоба бирманского бандита, его пренебрежение правилами – это не средство для достижения цели, а цель сама по себе. В отличие от обычного преступника, целью которого является приобретение хороших вещей нечестивыми способами, бандит, которого описывает Альфред, хочет только высмеять и разрушить все, что обычные люди (включая обычных преступников) считают хорошим. Он крадет драгоценные камни только для того, чтобы выбросить их; это делает его похожим на Джокера, намеревающегося уничтожить величайшую моральную ценность Готэма, его «белого рыцаря» Харви Дента, которого Бэтмен называет «лучшим из нас». Но почему? Кажется, Джокером движет только дьявольское желание причинять вред ради самого вреда, сеять хаос просто потому, что он может.

Дьявольским в его желании является не только намерение причинить страдания или горе, но и беспричинный характер его злодеяний, отсутствие понятных мотивов, таких как жадность или месть, которые помогают нам понять преступления, совершаемые обычными людьми. Мы можем не одобрять действия главаря мафии Сальваторе Марони или Харви «Двуликого» Дента после того, как он стал неистовым линчевателем, но, по крайней мере, мы имеем некоторое представление о том, что ими движет. Мы могли бы даже представить, что совершаем подобные преступления, если бы у нас был достаточный стимул или мотив. Но выбрать зло не как средство для достижения желаемого, а просто так – для этого, похоже, требуется настолько чудовищно извращенная мотивация, что она уже не может считаться человеческой. Что движет Джокером? По-видимому, ничего, кроме, возможно, чистого удовольствия от совершения зла ради самого зла.

Святой дьявола

Впервые мы знакомимся с Джокером во время ограбления банка, и именно такое поведение можно ожидать от аморального злодея, чья жадность не сдерживается уважением к праву собственности. Если бы Вилли Саттон стал свидетелем этой сцены, в действиях Джокера его бы ничего не смутило. В зависимости от того, насколько беспринципным был Вилли, он мог бы даже испытать некоторое восхищение перед изощренным коварством, с помощью которого Джокер устраняет своих сообщников, чтобы оставить всю добычу себе. Но когда Джокер поджег эту огромную кучу награбленного, Вилли наверняка смотрел бы на это с таким же недоумением, как и Чечен. Как безумно! Блестяще спланированное ограбление Джокера было сведено на нет. Этот бессмысленный акт разрушения демонстрирует поистине дьявольскую глубину

зла, присущего Джокеру. Точно так же, как человек, обладающий истинными моральными добродетелями, не ищет награды за свои добрые дела, Джокера не волнуют плоды его преступлений. И точно так же, как по-настоящему хороший человек презирует человека, пользующегося общепринятым уважением, для которого добродетель – лишь средство для приобретения хорошей репутации, так и Джокер не испытывает ничего, кроме презрения, к преступникам, для которых злодеяния – лишь средство для достижения сомнительных целей, таких как набивание карманов деньгами. «Вас только деньги волнуют, – упрекает он Чечена. – Этот город заслуживает преступников получше».

Приверженность Джокера злу ради самого зла очевидна, она проявляется в его готовности пожертвовать всем, даже собственной жизнью, ради выполнения своей разрушительной миссии. Он предлагает Бэтмену сбить его с помощью Бэтпода и протягивает Харви Денту пистолет, помогая ему приставить его к своей голове, готовый принести себя в жертву, если это поможет развратить лучших людей Готэма. Показательно, что, когда разъяренный Бэтмен жестоко избивает Джокера в комнате для допросов, тот просто смеется: «У тебя ничего нет, чем ты можешь мне угрожать. Со мной бесполезна вся твоя сила!» Словно какой-то святой от зла, Джокер презирует материальные блага и удовольствия, которые заставляют действовать обычных людей и обычных преступников. Он словно возвел зло в ранг незыблемого морального императива. Но возможно ли это вообще?

По мнению Иммануила Канта (1724–1804), это не так. Согласно Канту, требования морали безусловны, а это значит, что по-настоящему нравственный человек готов поступать правильно в любых обстоятельствах, независимо от того, чего это может ему стоить. Морально хороший человек поступает правильно просто потому, что это правильно, а не для того, чтобы сохранить хорошую репутацию, избежать тюрьмы или получить какую-то другую награду. Мораль, по Канту, – это самоцель, ради которой по-настоящему хороший человек готов пожертвовать всем остальным. Конечно, Кант достаточно реалистичен, чтобы признать, что никто из нас не может постоянно соответствовать этому высокому моральному призванию. Даже лучшие из нас могут свернуть с праведного пути, столкнувшись с крайним насилием, как, например, в ситуации, когда Джокер лишает Харви Дента причины быть нравственным, уничтожая то, что он любит больше всего, и вынуждая этого образцового борца за справедливость столкнуться с ужасающе несправедливым и произвольным распределением страданий в этом мире. Печальная истина человеческой природы заключается в том, что мы подчиняемся требованиям морали только до тех пор, пока они не становятся слишком обременительными, после чего мы неизменно возвращаемся к своим более эгоистичным природным наклонностям. Даже Бэтмен ставит свои личные интересы выше морального долга, когда спешит спасти Рэйчел Доуз, которую он любит, а не Харви Дента, в котором Готэм нуждается больше. Кант называет эту всеобщую моральную немощь, заставляющую нас пренебрегать своим долгом в угоду своим склонностям, «изначальным злом в человеческой природе», что аналогично религиозной идее первородного греха¹⁰⁵. Но поскольку большинство из нас никогда не подвергалось серьезному испытанию на нравственность, нам легко продолжать верить, что у нас доброе сердце.

Иными словами, Кант считает, что люди никогда не выбирают неправильный путь, если только не думают, что это принесет им какую-то выгоду. Каждое разумное существо осознает требования морали, поэтому никто – за исключением тех, кто по-настоящему безумен, например жертв «токсина страха» Пугала, – не может избежать ответственности за свои действия. Но у нас также есть то, что Кант называет патологическими мотивами, основанными на наших чувствах и желаниях. Слово «патологический» не означает, что эти желания каким-то образом

¹⁰⁵ Кант И. Религия в пределах только разума. // Собрание сочинений в восьми томах. Том 6: Религия в пределах только разума, Метафизика нравов. М., 1994. С. 33.

болезненны. Кант использует этот термин, чтобы подчеркнуть, что мы пассивны по отношению к ним. Мы ничего не можем поделать с тем, что чувствуем определенным образом или испытываем определенные желания, хотя Кант настаивает на том, что у нас есть выбор: действовать в соответствии с этими чувствами или желаниями, или нет. Злой человек – это тот, кто позволяет патологическим мотивам, которые могут включать в себя даже заботу о наших близких, взять верх над строгим требованием морали несмотря ни на что поступать правильно. И тот факт, что мы все время от времени позволяем нашим личным чувствам и желаниям брать верх над моралью, наводит Канта на мысль, что у людей есть «естественная склонность ко злу».

Итак, что касается человеческой мотивации, то кантианская концепция морали допускает только два варианта. Мы можем следовать своим корыстным природным наклонностям, делая то, что, по нашему мнению, принесет нам счастье, и быть нравственными только тогда, когда это не требует больших жертв. Или мы можем поставить нравственный долг на первое место, чтобы он всегда преобладал над нашими желаниями богатства, комфорта, безопасности, престижа, привязанности и всего остального, чего мы естественным образом хотим. Обычно мы выбираем первое. Однако в обоих случаях мы хотим что-то хорошее, будь то счастье или моральный долг. Радикальное зло заключается в том, что мы склонны отдавать предпочтение не тому хорошему, ставя счастье выше долга, когда они противоречат друг другу. Но, полностью признавая глубину человеческой порочности, Кант настаивает на том, что «дьявольского существа» – существа, для которого «противодействие самому закону стало бы мотивом (ведь не будь того или иного мотива, произволение не может получить определения)», не может существовать¹⁰⁶. Таким образом, в теории Канта нет места для такого персонажа, как Джокер, чья дьявольская приверженность злу ради зла, по-видимому, включает в себя те же императивы, что и мораль, но с обратным результатом. Как и идеального морального субъекта, Джокера «не подкупить, не запугать, не договориться и не прийти к компромиссу», как говорит Альфред. Он словно искаженное отражение неподкупно доброго человека, антиморальный герой, чье кредо – всегда противостоять добру, чего бы это ему ни стоило. Возможно, это поможет нам понять загадочное замечание Джокера, обращенное к Бэтмену: «Ты дополняешь меня».

Миф об абсолютном Зле

Однако Кант утверждает, что такое существо невозможно. Поскольку в зле нет ничего внутренне привлекательного, никто не стал бы стремиться к злу как к цели, а не как к средству для удовлетворения желания получить удовольствие, власть или счастье. Современный психолог Рой Баумайстер согласен с этим. Нас легко ввести в заблуждение тем, что он называет «мифом о чистом зле», который транслируют кинематографические и религиозные образы злых персонажей, получающих удовольствие от причинения вреда другим просто потому, что они могут это делать¹⁰⁷. Без таких злодеев фильмы вроде «Темного рыцаря» были бы гораздо менее интересными. Но это не значит, что в реальном мире можно встретить людей с исключительно дьявольскими мотивами, таких как Джокер. Скорее, миф о чистом зле возникает из нашей психологической потребности провести границу между «хорошими» и «плохими» парнями и представить злодеев как принципиально отличных от их невинных и чистых жертв. При этом, по мнению Баумайстера, дело обстоит иначе. Так называемые «злые» люди, как правило, стремятся к тому же, к чему и все мы, – к деньгам, власти, статусу, – хотя их часто меньше сдерживают мораль, здравый смысл и самоконтроль. Баумайстер, несомненно, согласился бы

¹⁰⁶ Там же. С. 36.

¹⁰⁷ Roy F. Baumeister, *Evil: Inside Human Violence and Cruelty* (New York: Henry Holt & Company, 1999).

с утверждением Брюса Уэйна: «Преступники – люди не сложные» – или, по крайней мере, не сложнее всех остальных.

Взгляды Баумайстера разделяют большинство философов западной традиции, восходящей к Сократу (469–399 гг. до н. э.) и Аристотелю (384–322 гг. до н. э.), которые утверждали, что целью любого человеческого действия является получение того, что мы считаем хорошим¹⁰⁸. Мы можем желать всего лишь кратковременного удовольствия и удовлетворения наших низменных потребностей, к чему стремится большинство преступников в Готэме. Или это может быть более глубокое, долгосрочное счастье, которое, по мнению Аристотеля, может быть достигнуто только через жизнь, полную добродетельных поступков, подобных тем, что совершали Брюс Уэйн или Джим Гордон. Но если люди выбирают зло, то не потому, что зло само по себе притягательно, ведь в нем нет ничего привлекательного. Не обладая вдохновляющим блеском добродетели, порок может быть сознательно выбран только как кратчайший путь к наслаждению или из-за незнания того, что по-настоящему хорошо. Вот почему Аристотель считает, что плохие люди втайне презирают себя, по крайней мере в той мере, в какой они способны признать себя плохими¹⁰⁹.

Итак, несмотря на то, во что нас заставляет верить миф о чистом зле, среди нас нет дьяволов, наслаждающихся злом ради самого зла, – только слабые и заблуждающиеся люди, для которых мораль обычно отходит на второй план по сравнению с другими заботами. Самая чудовищная жестокость проистекает из того же источника, что и наши самые мелкие ежедневные проступки. Кант почти наверняка согласился бы с философом Карлом Ясперсом (1883–1969), когда тот утверждал, что приписывать «сатанинский масштаб» человеческой злобе, даже самым ужасным преступлениям, – страшная ошибка: «Мне кажется, необходимо – ведь все так и было – принять вещи во всей их банальности, во всей скучной ничтожности...»¹¹⁰ И, несмотря на жалобы Джокера, это самый лучший класс преступников, который у нас когда-либо был.

Искуситель

Даже если мы признаем, что никто не наслаждается злом ради самого зла, миф о чистом зле может пригодиться, если мы хотим понять Джокера и «выяснить, чего он хочет». Рассмотрим другое значение термина «дьявольский», данное современным философом Клаудией Кард, которое, кажется, подходит Джокеру, словно один из его сшитых на заказ костюмов.

«Предположим, мы определяем дьявольское зло как сознательно и преступно стремящееся к моральному разложению других людей, к тому, чтобы поставить их в ситуацию, когда для выживания они должны, сделав свой собственный выбор, рискнуть собственным моральным обликом или пойти на моральную смерть... Дьявольское зло, на мой взгляд, заключается в том, что оно подвергает других людей крайнему стрессу, даже крайнему принуждению, вынуждает их выбирать между серьезным риском страданий или смерти (не обязательно своей собствен-

¹⁰⁸ См., например, диалог Платона «Протагор», 345d – e, где Сократ говорит: «Я думаю по крайней мере, что никто из мудрых мужей не полагает, чтобы какой-нибудь человек добровольно заблуждался, или добровольно творил постыдные и злые дела, но они знают, что все делающие постыдное и злое делают это невольно» (Платон. Диалоги (пер. Вл. С. Соловьева). М., 2011. С. 56.); также смотри «Никомахову этику», (кн. I, гл. 1) Аристотеля: «Всякое искусство и всякая наука, а также и деятельность, и намерение стремятся к известному благу; поэтому благо хорошо определили так: оно есть то, к чему все стремится» (Аристотель. Никомахова этика (пер. Э. Л. Радлова). Москва-Берлин, 2020. С. 3).

¹⁰⁹ См.: Аристотель, «Никомахова этика» (книга IX, гл. 4): «не встретишь у людей совершенно порочных и преступных. Вряд ли проявятся в дурных людях эти условия, ибо они постоянно в раздоре сами с собой» (Аристотель. Никомахова этика (пер. Э. Л. Радлова). Москва-Берлин, 2020. С. 183).

¹¹⁰ Арндт Х., Ясперс К. Письма, 1926–1969. М., 2021. С. 102–103.

ной) и не менее серьезным риском морального компромисса, потери душевной целостности или даже моральной смерти»¹¹¹.

Это определение может напомнить нам о традиционном представлении о дьяволе как об искусителе по преимуществу, существе, которое не только причиняет физические страдания, но, что еще хуже, поражает души своих жертв, сея семена морального разложения. И действительно, именно так, по словам самого Джокера, мы должны воспринимать его, когда он говорит Бэтмену, что они вдвоем вступили в «битву за душу Готэма».

Основная стратегия Джокера в этой битве заключается в том, чтобы создавать различные ситуации, которые вынуждают внешне хороших, законопослушных жителей Готэма решать, действительно ли нравственность для них важнее всего. Так, например, вместо того, чтобы лично убить Коулмана Риза, незадачливого бухгалтера «Уэйн Энтерпрайзес», который раскрыл истинную личность Бэтмена, Джокер угрожает взорвать больницу в Готэме, если кто-то другой не сделает это. Таким образом, он заставляет многих «хороших» граждан задуматься о поступке, который при обычных обстоятельствах им бы и в голову не пришел. Но Джокер, безусловно, не назвал бы себя простым искусителем, в том смысле что он развращает людей с хорошей репутацией. Джокер считает себя скорее не провокатором зла, а разоблачителем, искушающим лжецов, претендующих на добродетель, показать свое истинное лицо. Его «социальный эксперимент» с детонаторами на пароме призван продемонстрировать, что презренные преступники и так называемые порядочные граждане находятся с точки зрения морали в одной лодке, по крайней мере когда попадают в экстремальную ситуацию. Если истинная добродетель означает поступать правильно, чего бы это ни стоило, то Джокер считает, что самое близкое к добродетели, что вы когда-либо найдете в этом мире, – это видимость добродетели среди тех, чьи моральные устои никогда по-настоящему не подвергались серьезному испытанию. «Когда дело плохо, эти... эти цивилизованные люди сожрут друг друга», – рассуждает он, а затем стремится доказать это.

Если Миф о Чистом Зле заставляет нас верить, что так называемые «злые» люди – это совершенно другой вид в отличие от всех нас, и что мы, «цивилизованные люди», для которых добродетель сама по себе является наградой, чисты и невинны, то цель Джокера – сжечь эту иллюзию дотла. Люди «такие, какими мир позволяет им быть», – говорит он Бэтмену. В лучшем случае, наша добродетель хрупка и сомнительна, «...всего лишь слова, забываемые при первой опасности». И в своем стремлении доказать это утверждение, невзирая на человеческие страдания, Джокер напоминает другую известную дьявольскую фигуру: Сатану, каким он предстает в библейской книге Иова. Читающие книгу Иова наверняка с удивлением узнают, что тот, чье имя с иврита может быть переведено как «Обвинитель», – это не закоренелый враг Бога, стремящийся уничтожить все доброе, а скорее член Божьего суда, где он выступает в роли кого-то вроде чрезмерно усердного прокурора.

Услышав, как Бог восхваляет Иова как безупречно честного человека, Сатана предполагает, что, возможно, Иов – просто коварный подхалим, который повинует Богу только потому, что Бог благословил его процветанием. «Разве даром Иов боится Бога?» – спрашивает Сатана, намекая на то, что праведность Иова скорее расчетлива, чем искренна¹¹². Затем Сатана предлагает пари: лишить Иова его благополучия, убить его близких, причинить страдания его плоти, чтобы позволить раскрыться его истинным мотивам, когда он откажется от своего показного благочестия и проклянет Бога. Точно так же, как библейский Сатана нацеливается на Иова, который считается самым праведным человеком, Джокер атакует героического Харви Дента. Как и в случае с Иовом, битва за душу Дента включает в себя как убийство любимого человека (Рэйчел Доуз), так и жестокое истязание его плоти. Но на этом сходство

¹¹¹ Claudia Card, *The Atrocity Paradigm: A Theory of Evil* (New York: Oxford University Press, 2002). С. 211–212.

¹¹² Книга Иова 1:9.

заканчивается, потому что, в отличие от Иова, Харви позволяет своей ярости из-за несправедливости произошедшего выйти из-под контроля, сжигая его моральные устои и уважение к закону, до тех пор, пока не останется только убийственная жажда мести¹¹³

¹¹³ Иов, напротив, просто пускается в длинную и лирическую тираду, в которой он обвиняет Бога (не проклиная его) во всей несправедливости мира, начиная с незаслуженных страданий самого Иова. Однако его приверженность праведности не поколеблена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.